

СЕРГЕЙ МАГОМЕТ

Человек-пистолет

РОМАН

Сергей Магомет

Человек-пистолет. Роман

«Издательские решения»

Магомет С.

Человек-пистолет. Роман / С. Магомет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745215-5

Терроризм, исповедуемый чистыми, честными натурами, легко укореняется в сознании обывателя и вербует себе сторонников. Но редко находятся охотники довести эту идею до логического конца. Подполье, красные бригады, национал-большевики, опыы, экстремисты и экстремалы — эта странная, словно происходящая по ту сторону реальности, жизнь пробивается на белый свет. Самые радикальные идеи вдруг становятся актуальными и востребованными. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-745215-5

© Магомет С.

© Издательские решения

Человек-пистолет

Роман

Сергей Магомет

Иллюстратор Сергей Магомет

© Сергей Магомет, 2024

© Сергей Магомет, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4474-5215-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В понедельник 23 февраля 1981 года в Кремле открывался очередной исторический двадцать шестой съезд КПСС.

В понедельник утром я и мой друг Сэшеа, с которым мы еще в институте учились в одной группе, сидели в прокуренной нише на лестничной площадке черного хода нашего учреждения и, попыхивая сигаретами, обзревали из окна индустриальный пейзаж.

– А тебе не кажется, что наша жизнь потеряла смысл? – как бы между прочим спросил меня Сэшеа.

– А тебе? – спросил я.

– Я-то в этом уверен, – кривовато ухмыльнулся он.

– Может быть, – покладисто согласился я, – может быть...

– И тебе – все равно? – мрачней, поинтересовался мой друг, пристально следя за моей реакцией.

Я неторопливо загасил окурочек о внутреннюю сторону подоконника и, отправив его в запорошенную пеплом эмалированную плевательницу, признался, что как-то не думал об этом.

– Нет, – не отставал он, – я вижу, что тебе все равно. И это очень в твоём духе.

– Почему это – в моем духе?

– Потому что ты все! да полон оптимизма.

– Почему это я всегда полон оптимизма?

– Поверь мне... Я очень хорошо изучил тебя за годы нашего знакомства. Должен тебе сказать, ты часто бываешь полон самого дурацкого оптимизма.

– Может быть, – уклончиво кивнул я, – может быть... Я тоже достаточно хорошо изучил моего друга.

– Да, – с нажимом сказал Сэшеа. – И жаль, что ты не видишь себя со стороны. Если бы ты посмотрел на себя со стороны, ты бы не обрадовался.

– Пожалуй, – согласился я. Сэшеа задумался.

– Хочешь, я скажу тебе одну вещь? – спросил он, немного погодя.

– Скажи.

– Это будет довольно жестокая вещь, – предупредил он.

– Давай, выкладывай.

– Но ты не должен обижаться на меня, старик. Все равно, кроме меня, тебе этого никто не скажет.

– Заранее тебе благодарен, старик.

– Не нужно сейчас шутить, хорошо? – попросил Сэшеа.

Он даже положил мне на плечо руку, чтобы я не шутил. Я вздохнул. Он еще помолчал, а потом сообщил:

– Ты очень ОПУСТИЛСЯ за последнее время – вот что.

Такие слова меня удивили, а он, видя мое недоумение, поспешил продолжить:

– Да-да, ты очень опустился. Ты ничего не замечаешь. Мне даже кажется, что ты как-то поглупел... Или отупел...

– Ты сам отупел.

– Не обижайся. Я предупреждал, что это будет жестокая пещь.

– Всё? – спросил я.

– Пока все, старик, – снова усмехнулся Сэшеа, ожидая, что я еще что-то скажу или спрошу, но я молчал и смотрел в окно на производственные строения, тесно громоздившиеся друг на друга как бы для спаривания. Потом я стал рассматривать похабные рисунки, которыми сотрудники исцарапали весь подоконник.

– Это и неудивительно, – со вздохом продолжал Сэшеа, видя, что я молчу, – если каждый день приходить сюда, дышать этим гнилым воздухом. В конце концов сделаешься таким же уродом, как и все...

– По-твоему, все наши – уроды?

– А, по-твоему, нет?.. Все как на подбор. И Эмилия, и Сидор, и Оленька. А выдающийся урод среди них – это, конечно, Фюрер! Или, по-твоему, он достойный человек?

– В общем, урод...

Согласиться было нетрудно. «Фюрером» мы звали нашего завлаба. Впрочем, у меня с Фюрером в отличие от Сэшеа отношения были нормальные, а Сэшеа он беззлобно, хотя и методично доставал из-за того, в частности, что тот чересчур болезненно реагировал на любое замечание.

– И другие не лучше! – заявил Сэшеа.

– Обычные люди.

– Это одно и то же!

– Что же их – презирать?

– А что я ими, бедными, восхищаться должен?.. Я и тобой восхищаться не собираюсь. Нравится тебе это или не нравится.

– Что на тебя нашло? – удивился я.

– Да надоело! – проворчал Сэшеа.

– Ладно, – посоветовал я, – наплюй.

Сэшеа плюнул в плевательницу, но промахнулся.

– Может, пойдем, поработаем? – предложил я.

– Беги! – ядовито усмехнулся он. – Работай. Я недоуменно пожал плечами.

– А у тебя нет такого чувства, что у нас в жизни уже не будет никаких событий? – хмуро спросил Сэшеа. – Такая во всем ограниченность, что хоть на стену лезь.

– А что делать...

– Может, у тебя какие-то свои планы?

– Три года, хочешь не хочешь, нужно оттрубить по распределению. Полтора года отработали, полтора осталось. Там посмотрим...

– Ты говорил, тебе тесть предлагает к себе в «ящик».

– Не то чтобы твердо предлагает. Обыкновенно у него такое: эдак за чаем заводить разговор о жизни, намекать, что если я буду себя хорошо вести, он, в принципе, готов устроить меня к себе и даже поспособствовать карьере.

– А ты?

– Посмотрим, – повторил я, – еще полтора года.

– Полтора года жизни! – воскликнул Сэшеа.

– Ну и что!.. Если честно, мы ведь особо не перенапрягаемся, а? Можно потерпеть?

– Я же говорю, ты опустился! Даже не чувствуешь ограниченности! Готов терпеть! Смирися!.. Ты ничего не хочешь и не можешь изменить. Кругом затык, полный затык! – завелся Сэшеа.

– А что я должен изменить?

– По-твоему, нечего? Ладно работа... Но, может, у тебя счастливая личная жизнь? Если честно, а? Мы же друг друга отлично знаем. Уж мне-то ты можешь не врать!

– Что ты хочешь от меня? – начал раздражаться я.

– Что я хочу? Ничего я не хочу! Я могу и помолчать. Я могу даже извиниться, если обидел!.. Да я теперь и сам жалею, что начал об этом. Вижу, что бессмысленно и начинать, если человек так опустился, что даже смирился со своей ничтожной жизнью!

– А ты другой жизнью живешь? – закричал я.

Сэшеа все-таки вывел меня из себя. Он, кажется, только того и добивался. Как только разозлился, сам быстренько успокоился.

– Меня по крайней мере, – гордо заявил он со своей кривой усмешечкой, – такая жизнь бесит! Я, может быть, еще намереваюсь разорвать этот заколдованный круг. И сейчас, может быть, это еще возможно. Потом будет поздно. Потом просто привыкну к своей уродской участи, как...

– Договаривай! – потребовал я. – Как кто? Как я? По-твоему, я тоже урод?

– Ну посуди сам, – вздохнул он. – Ты живешь так, что ничего не способен изменить. У тебя вполне уродская работа, но ты все чего-то ждешь... В семейной жизни, насколько я понимаю, ты тоже не захлебываешься от счастья, но разводиться не собираешься. Ты...

– Что ты заладил: «ты», «ты»! Ты сам – что? Работу меняешь? Разводишься?..

– Я.. Ну, я просто так не сдамся. Буду бороться, буду прорываться... И... в частности, разведусь! – выпалил Сэшеа. – И тем самым начну освобождаться!

– Шутишь?

– Такими вещами не шутят, – с чувством превосходства заявил Сэшеа. Меня удивило даже не желание Сэшеа развестись – хотя с женой он, кажется, жил вполне нормально, у них был ребенок, «бебик» – а возникшее у меня странное ощущение, как будто он опередил меня в моем собственном намерении, – ведь я с Лорой жил паршиво, а последнее время особенно; детей у нас не было; мелькал на горизонте некий «друг семьи» Валерий, и у меня вырвалось с легкой завистью:

– Ты знаешь, я ведь тоже думал об этом!

– Ты только думал, а я решился, – снисходительно заметил Сэшеа. Убедившись, что «уязвил» меня, он сразу переменял тему и как ни в чем не бывало осведомился, что я делал вчера.

– Вчера?.. – пробормотал я. – Занимался с Жанкой...

Жанка, младшая сестра Лоры, училась в восьмом классе. В школе ее грозились не перевести в девятый и отправить в ПТУ. Я взялся подтянуть ее в учебе. Конечно, и сам Игорь Евгеньевич, папаша, мог бы заняться с дочкой, но считалось, что, во-первых, в отличие от меня, он человек чрезвычайно занятой, а во-вторых, неплохо, если бы и я приносил семье какую-то пользу.

– Ну и как успехи? – тут же поинтересовался Сэшеа.

– Какие успехи?

– Ну вообще, успехи. Чем вы там с ней занимаетесь?

– Электричеством...

– Знаешь, – мечтательно проговорил Сэшеа, – я бы и сам с ней занялся.

– Ты разведись сначала.

– Нет, серьезно! – ухватился он за мысль. – Зачем тебе Жанка? К тому же ты женатый человек!.. Давай я с ней займусь! Действительно, ее ведь можно замечательным образом воспитать! Она интересная девочка. Я бы воспитал ее для себя и... Синий плащ, синие чулочки...

– Что ты там бормочешь? – одернул я его.

– Вспомнил, когда вы с Лорой расписывались и я первый раз увидел Жанку, на ней как раз был синий плащ и синие чулки... Когда это было, уже два года назад?.. Но и тогда она выглядела не такой уж девочкой... Так чем, говоришь, вы с ней занимаетесь? Электричеством?.. Я против! Ей не электричество нужно. Ты ничего не понимаешь в воспитании. Я сам ею займусь!

– Ну, тебя понесло!

– Ладно, ладно, – усмехнулся Сэшеа, – шучу... Хотя... не так уж это и глупо!.. Синий плащ, синие чулочки... В общем, ты должен мне ее уступить.

– А как же твой любимый сын? – вернул я его к действительности. Сэшеа достал расческу и стал деловито прочищать ее спичкой.

– Бэбика я очень люблю, – сказал он, – и его не оставляю. Пи в коем случае. Ты не думай: я же не подлец. Буду видаться с ним почаще. Я и с женой это обговорил. Она, конечно, ничего не имеет против.

– Так вы уже и об этом говорили? – изумился я.

– Мы уже обо всем говорили. Сегодня я переезжаю назад к родителям... Кстати, хотел тебя попросить помочь мне перебраться. Вещей у меня немного. Забираю только маг и записи... Ну, ты как – после работы? Поможешь?

– Помогу, чем могу, – ответил я и задумался.

– Синий, синий, синий... – мурлыкал себе под нос мой друг.

– Но у тебя ведь с женой все было как будто в порядке? – спохватился я.

– И сейчас все в порядке... Как будто.

– Может быть, не стоит разводиться?

– Я же тебе объяснял! – нетерпеливо воскликнул Сэшеа. – Замкнутость, ограниченность. Конец жизни. Нужно вырваться, освободиться.

– Ну-ну...

– Я ведь женился без какого-то особенного чувства, – принялся исповедоваться Сэшеа. – Помнишь, мы с тобой холостыми все шутили: «Главное – регулярность и нормальные бытовые условия»?.. Если честно, я через неделю после свадьбы понял, что буду ей изменять.

– А может быть, ты это знал уже и до свадьбы?

– Не отрицаю, – искренне признался Сэшеа. – Ты меня понимаешь...

– И часто ты ей изменял?

– Ну... пока ни разу, увы, но...

– Ну и жил бы и дальше с ней, а? – посоветовал я.

– Нет, нельзя, – твердо сказал он. – Во-первых, ограниченность, а во-вторых, уж я тебе и это честно скажу, она совершенно перестала меня возбуждать. До такой степени, что боюсь вообще потерять всякую способность... Я жену, конечно, уважаю, но, понимаешь, за всю нашу совместную жизнь ее совершенно не удалось развить! Уж я ей и объяснял, и литературу доставал... И – ничего! Никакого эффекта!

– Плохо учил? – предположил я.

– Что ты! Ты же знаешь, у меня и до нее был некоторый опыт в этих делах. Все было нормально, а с ней...

– Может быть, у тебя это нервное?

– Ты так думаешь? – насторожился он. – Впрочем, наверное, и это есть. Тут в целом ситуация злокачественная! Я и сам давно чувствую, что со мной что-то не то творится... У тебя ведь Лора в этом разбирается. Тут, я полагаю, невроз. Может, мне к Лоре обратиться, а? Как ты думаешь, это удобно?

– Удобно, – великодушно разрешил я. – А можешь – прямо к теще. Хочешь, я с ней поговорю, и она тебя живо госпитализирует?

Мои жена и теща имели непосредственное отношение к медицине. Теща (маман) зарабатывала ускоренную пенсию в психиатрической клинике, руководимой известным профессором Копсевичем, а Лора шла по ее стопам – училась в медицинском. Правда, по два года на каждом курсе. Связи маман спасали от отчисления, – и ее увлечением были как раз все «сумасшедшие» дела, а из самых последних – психоанализ...

– Нет, я серьезно, – почти обиделся Сэшеа. – Я хочу, чтобы Лора меня проанализировала. Чтобы основательно так покопалась во мне. Помогла выкарабкаться из кризиса, помогла справиться с затыком... Ты мне прямо скажи: ты не против?

– Вот ей-богу! – пожал я плечами. – Почему я должен быть против? Пожалуйста, обращайся к Лоре. В свое время она меня просто замучила своими тестами. Пыталась выявить во мне какие-нибудь патологические наклонности. Хотела на мне поупражняться. Но я оказался неблагоприятным пациентом. Ко мне она потеряла интерес, а тобой, думаю, с удовольствием займется.

– Значит, ты считаешь, это удобно? – никак не мог успокоиться Сэшеа.

– Конечно! Ей будет очень даже приятно, если ты к ней обратишься как к психоаналитику.

– Да-да! – вдохновился Сэшеа. – Пусть теперь попрактикуется на мне. Я очень уважаю Фрейда. Пусть прозондирует меня тестами и прочим... Я хочу начать новую, свободную жизнь без старых комплексов...

– Мальчики! Маль-чи-ки! – послышалось с нижней площадки, где был проход в коридор. По ступеням застучали каблучки.

Со своими сигаретами на площадке появилась Оленька, сотрудница нашей лаборатории. Я всегда недоумевал, как могла природа так жестоко обделить хорошего человека в смысле внешности. Правда, на прошлогодней вечеринке у кого-то на даче мне по пьяной лавочке случилось Оленьку почти раздеть, и с тех пор я подозревал, что она в меня немножко влюблена.

– О чем разговор? – спросила Оленька, осторожно поднимая к нам свое страшненькое, рыбье личико.

– Мы обсуждали мою сексопатологию, – усмехнулся Сэшеа.

– А о тебе, Саша, – застенчиво, как бы извиняясь, сообщила ему Оленька, – Фюрер уже несколько раз спрашивал. Сердится, что отсутствуешь на рабочем месте. Кажется, собирается подавать на тебя докладную...

– Вот урод-то! – с ненавистью воскликнул Сэшеа.

Оленька достала сигарету и замешкалась. Я вытащил спички, дал ей прикурить. Сэшеа бросил на меня вопросительный взгляд. Одному возвращаться в лабораторию ему явно не хотелось. Он пинал ногой плевательницу, но из гордости ничего не говорил.

– Ладно, – сказал я, – пойдем поработаем.

Я стал спускаться по лестнице. Сэшеа последовал за мной, небрежно насвистывая «Эй, охотник Билл!»

– Ведь у вас сегодня праздник, мальчики! – попыталась нас задержать Оленька.

– Какой праздник? – спросил я, не останавливаясь.

– Да как же – мужской праздник! Праздник Марса!

– Маркса?

– Марса!

– Если праздник Марса – наш праздник, – усмехнулся я, значит, мы – марсиане?

Оставив Оленьку одну, мы прошли по утомительно прямолинейному коридору мимо развешанных по стенам стендов наглядной агитации, в заглавиях которых мелькало одно

и то же ключевое слово ЖИЗНЬ, всякий раз трансформируясь в новое качество: комсомольская, профсоюзная, партийная, международная, спортивная... Исключение составлял только один стенд, озаглавленный однозначно скупо: ДРУЖИННИК.

Перед дверью в нашу комнату мы задержались. Сэшеа пробовал бодриться.

– А Оленька-то не на шутку озабочена? – сказал он.

– Очевидно, – кивнул я.

– Я думаю, что если его заняться? Вот уж она, наверное, постарается как-то компенсировать свою ущербную внешность! Можно было бы его заняться просто так, для галочки, а? Как ты думаешь?

Мимо пробежал комсорг.

– В два часа собрание! В два часа собрание! – прокричал комсорг, не сбавляя хода.

– Иди первый, – все-таки попросил меня Сэшеа, кивая на дверь лаборатории, – а я за тобой...

Я вошел в лабораторию и спокойно уселся за свой стол. Фюрер задумчиво грыз карандаш и не обратил на меня внимания. Я снял телефонную трубку и позвонил домой, сообщив Лоре, что после работы собираюсь заехать к Сэшеа по важному делу. Не возражает ли она? Она не возражала... Советуясь с Лорой по поводу своих планов, я главным образом давал выход своей иронии: ведь Лора давно уже не считала нужным советоваться со мной о чем-либо подобном – просто поступала, как ей было удобно.

Через минуту вошел Сэшеа.

– Попрошу вас подойти ко мне! – тут же встрепенулся Фюрер. Сэшеа выразительно покосился на меня и подошел.

– Почему вы без разрешения покинули свое рабочее место? – сухо поинтересовался Фюрер.

Сэшеа снова покосился на меня. «Тебе можно, а мне нет!» – прочитал я в его расстроенном взгляде. Я пожал плечами.

– Вы отдадите себе отчет в поступках? – не отставал от него Фюрер. «Скажи, что было нужно, придумай что-нибудь!» – показывал я из-за спины начальника.

– Что теперь в туалет нельзя выйти?! – нервно выкрикнул Сэшеа. Сотрудники вокруг захихикали.

– Это же объективная необходимость, товарищ начальник, – со смехом поддержал я друга, видя, что обстановка разряжается.

– Это я понимаю, – ухмыльнулся Фюрер, оборачиваясь. – Я только не понимаю, чем он там столько времени занимается.

Я развел руками. Сэшеа побледнел и забормотал что-то неразборчивое. Фюрер оглядел его с головы до ног и презрительно бросил:

– Ладно, идите работайте!.. – И больше им не интересовался.

Из радиотранслятора привычный, как небо, звучал голос Леонида Ильича. Сотрудники-сослуживцы были заняты разрезанием на двенадцать персон торта «Белая акация». Они заварили чай и влили в него по случаю праздника рижского бальзама, которого оказалось достаточно, чтобы наши славные крокодилы полезли с «родственными» поцелуями поздравлять нас, мужчин.

– С праздником! С праздником!..

– Ой, какой разврат! – замычал Фюрер, тая от удовольствия.

Я же, едва отбившись от наших осатаневших в семейном чаду самочек, потреблявших чеснок в качестве могучего антиканцерогенного средства, увидел перед собой Оленьку.

Оленька быстро приблизилась и, захлестнув меня словно крылом жесткими черными волосами, припала с неожиданно острым поцелуем.

– Молодец! – пробормотал я удивленно.

– Я хочу быть такой! – горячо прошептала она мне на ухо.

Фюрер еще продолжал принимать поздравительные поцелуи, когда я, оглядевшись, обнаружил, что, воспользовавшись суматохой и неофициальностью обстановки, Сэшеа снова исчез. Я быстро дожевал свой кусок торта и незаметно вышел из комнаты.

Я нашел Сэшеа где обычно: на лестнице черного хода. Когда я вошел, он даже не обернулся; он стоял у окна, засунув руки в карманы, с таким видом, как будто ему живется на свете паршивее всех.

– Что случилось? – спросил я, но он надулся и не отвечал. – Кажется, ты на меня злишься?

Я сел рядом на подоконник и достал сигареты. Мало, конечно, было удовольствия курить, глядя на его надутую физиономию, но я не стал вытаскивать из него причину клещами: наверняка какая-нибудь дрянь на уме. Мы молчали довольно долю.

– Нет! Я не злюсь! – вдруг сказал Сэшеа. – Я просто хочу попросить тебя кое о чем...

– Конечно, – обрадовался я, – какой разговор!

– Очень тебя прошу, – раздельно, с обидной вежливостью выговорил он, – пожалуйста...

Не нужно кривляться. Не нужно корчить из себя вечного шута!

– Что-что?!

– Что слышал! А главное – не нужно заодно делать шута из меня! Очень тебя прошу! – повторил он, как будто порциями, отдельными сгустками выталкивал из себя желчь.

– Не понял... – удивился я.

– Вот только не надо, не надо играть передо мной в свои игры!

– В каком смысле – игры?

– В том самом! Ты сам знаешь... Конечно, у тебя это очень ловко получается... Ловко, но мерзко!

– Нет, ты уж мне, пожалуйста, растолкуй! – попросил я.

Сэшеа брезгливо поморщился и промолчал. Только когда я его послал подальше и собрался уходить, он проговорил:

– Я могу объяснить, хотя мне это и противно.

– Не надо, не насилуй себя.

– А может быть, ты с НИМИ заодно? – прошептал он.

– С кем – с НИМИ?

– Ну, это неважно...

– Неважно так неважно... Объясни хотя бы, перед кем это я кривляюсь?

– Перед ним, конечно, в первую очередь. Перед Фюрером. «Товарищ начальник»! «Объективная необходимость»! – передразнил меня Сэшеа. – Мне он ничего не спускает, а с тебя все как с гуся вода!

– Я – виноват?

– Но ты ведешь себя не по-дружески!.. Допускаю, что это без умысла, но ты играешь на руку врагам. Я тебе сказал, что ты опустился, а теперь начал думать, нет ли здесь еще чего-нибудь похуже!

– Мне всегда казалось, что мы друзья, – сказал я. – Не понимаю, что изменилось.

– Я пока тоже не все понимаю, – проворчал Сэшеа. – Но чувствую, что теперь я бы тебе кое в чем не доверился!

– В чем?

– А ты ничего не замечаешь? Я допускаю, что ты кривлялся так – по простоте, приспособленчески, но чтобы ничего не замечать!..

Я решил про себя, что не стоит раздражаться сейчас на друга, который и без того издерган. Я решил набраться терпения.

– Если ты таким образом хочешь жить, – продолжал он, – то живи... Но как ты можешь закрывать глаза на то, что происходит с твоим другом? Я бы так не смог!

– А что с тобой происходит?

– НЕЧТО, – мрачно сказал Сэшеа.

– Придирки Фюрера?

– Ну, это только первый слой, частность... Но есть такое, – загадочно сказал он, – о чем тебе, может быть, лучше и не знать. И если ты действительно в стороне, то лучше тебе даже и не влезать в это...

– Неужели так серьезно? – удивился я.

– Ты еще, старик, многого не знаешь...

– Хорошо, старик, – покладисто сказал я и похлопал его по плечу, успокаивая, – не хочешь говорить – не надо. Поговорим о чем-нибудь другом.

– Да-да, – согласился Сэшеа, – лучше о другом, хотя... – тут же прибавил он со своей идиотской таинственностью, – я думаю, что это... это все-таки касается и тебя.

– Черт тебя возьми! Говори, раз это касается меня! – потребовал я.

– Нет-нет, не могу! – закапризничал он, видя, что я попался на крючок. – Сначала я должен кое-что обдумать, выяснить. Ничего, даже лучше, что потом...

– Ты ведешь себя, как ребенок, – сказал я.

Он покорно вздохнул: ничего, мол, не поделаешь: ребенок так ребенок. Мне захотелось взять его за шиворот и хорошенько потрясти.

Снизу донеслись шаги. На лестничной площадке появился сам Фюрер.

– Так я и думал, – сказал он удовлетворенно. – Вы, – обратился он к Сэшеа, – ступайте в лабораторию и подумайте, что написать в объяснительной по поводу того, где коротаете рабочее время. В туалете или еще где... А вы, – тут он обратился ко мне, – следуйте за мной в машинный зал, мы с вами там разберемся...

Сэшеа поплелся в лабораторию, а я с Фюрером спустился в машинный зал, где уже собрались несколько «доверенных лиц», в число которых был занесен и я, сам не знаю почему.

Фюрер отпер массивную дверь сейфа и извлек из него спаянный из нержавеющей стали бидон со спиртом, и праздник продолжился в более тесном кругу.

– Слушай, как ты водишься с этим ничтожеством? – доверительно наклонился ко мне Фюрер, имея в виду Сэшеа. – Более тупого сотрудника, скажу тебе, у нас никогда не было. Удивляюсь, как он вообще институт окончил. Я думаю, наверное купил диплом, а?

– Он учился лучше меня, – сказал я. – Он хороший парень.

– Ну не знаю, не знаю... – отмахнулся Фюрер.

Оленька принесла хлеба и колбасы из буфета, холодной воды в графине. Ветеран труда Эмилия поставила на стол домашнее варенье из черники. Мужчины и Эмилия пили спирт не разбавляя; Оленька сделала глоточек разбавленного с вареньем. Засим обсудили жизнь страны.

– Вот я помню, раньше была колбаса, – неторопливо изрекал Фюрер, раскачиваясь на стуле. – Не то что вообще колбаса, говорю. Это же была натуральнейшая колбаса, не нынешняя, бумажная, из которой вода течет... И мясо тоже, помню, было. Кто постарше помнит. Не вообще, говорю, мясо...

Через некоторое время обратили внимание, что Сидор, инженер и отец двух детей, успел уснуть в тени одного из механизмов.

– Си-дор! – заорал на него Фюрер.

– Неси меня! Неси меня! – забормотал спросонок Сидор и ошалело уставился на нас.

– Что значит «неси меня»? – ухмыльнулся Фюрер.

– Бессонные ночи, переутомление, – смущенно объяснил Сидор. – Дома только засыпаем, как один уже кричит: «Мама!» – «Кто кричит?» – спрашивает жена. – «Вова». – «Что»? – «Неси меня!» Жена встает успокаивать. Потом снова: «Папа!» – «Кто кричит?» – отзываюсь я. – «Павлик». Подхожу. «Что?» – «Неси меня!» – «Куда»? – «Туда!» Успокаиваю, возвращаюсь в постель. И так полночи. «Неси меня! Неси меня!..»

– Эх, ты, горе-отец, – сказал Фюрер. – Выспал бы им раз-другой, спали бы крепко, без капризов.

– Я детей бить не могу, – вздохнул Сидор.

– Иногда нужно выспать, – наставительно сказал Фюрер. – Вот моя старшая недавно начала, понимаешь, голос повышать, так я ей так двинул по физиономии, что она теперь хорошо запомнит, как показывать свой сопливый характер. Погорячился, конечно. Но зато на пользу...

Определенное количество ректификата было «списано», и Фюрер окинул нас критическим взором.

– Ну, хорош, – сказал он, убирая бидон обратно в сейф, – а то ноги не пойдут.

– Хорош, – согласились мы, – а то не пойдут...

Часть компании отправилась в буфет, чтобы взбодриться кофе, а другие расползлись по углам, чтобы расслабиться и подремать. Из радиотранслятора все еще звучал Леонид Ильич.

Оленька и я болтали в закутке между огромным пульсатором и шкафом с воздушными баллонами. Оленька поделилась со мной своей порцией спирта, и теперь я чувствовал себя вполне по-боевому.

– Неужели Фюрер действительно мог ударить дочку по лицу? – спросила Оленька.

– Этот мог, – сказал я и взял ее за руку.

– И даже как будто этим похвалялся! – прошептала она и осторожно придвинулась поближе – так, чтобы я мог обнять ее другой рукой за талию. – Какой грубый, жестокий человек!

– Да, сволочь...

Мы поцеловались, и хотя ее поцелуй показался мне как бы затеоретизированным, меня очень увлекло это ее стремление выглядеть обольстительной. Я помнил, что прошлый раз на даче она была как деревянная.

– А почему вы с женой не заводите детей? – вдруг спросила она.

– Нужно же закончить институт.

– А ты хотел бы?

– Хотел бы.

– Кто-то идет? – дернулась она.

– Никого! – успокоил я. Мы продолжали обниматься.

– Тебе нравится заниматься с детьми? – спросила Оленька.

– Я помогаю Лориной сестренке готовить уроки, – сказал я, припомнив недавний разговор с Сэшеа.

– Она красивая, да?

– Лора?

– Жена, я слышала, у тебя красивая... Сестренка, наверно, тоже красавица?

– Трудно сказать что-то определенное, – пробормотал я. – Жанка еще девчонка.

– Бывают случаи, когда со старшей сестры перекидываются на младшую. Ты это учти, – серьезно посоветовала Оленька.

– Помолчи, – сказал я и полез к ней под свитер.

– Ты так хорошо осведомлен о женских эrogenных зонах!

– Ну...

– Но я тоже кое-что знаю о мужских!

– Откуда это? – вырвалось у меня, но она не восприняла мое восклицание как насмешку.

– Скажи, милый, – прошептала она, – я хоть немножко кажусь тебе сейчас интересней, чем тогда на даче, или опять все дело только в том, что, как говорится, нет некрасивых женщин, а есть мало водки?

– Что за глупости, – вздохнул я.

– Я хочу быть тебе интересной! Честное слово, очень хочу! Ты знаешь, Саша принес мне такую книгу...

– Сэшеа? – удивился я. – Когда это он успел?

– Он как-то завел об этом разговор. О сексе. И я сама его попросила достать мне что-нибудь такое – по искусству любви.

– Может быть, он надеялся...

– Ты думаешь, что он... Нет, он опоздал! У меня ведь уже был ты. После того раза, понимаешь?

– Ну конечно.

– Правда, я тогда была тебе совсем неинтересна...

– Ну конечно... То есть я не это хотел сказать! – спохватился я.

– Нет, так оно и было! – Оленька смущенно уткнулась лицом в мое плечо. – Но теперь я совсем другая!.. Как бы я хотела это тебе доказать!

– Это сложный вопрос...

– О нет! О нет!

Поначалу я шалил, но потом, должно быть, так увлекся, что уже не понимал, действую ли в шутку или всерьез.

– О, как ты... – бормотала Оленька, едва сдерживая свой любовный экстаз. – Подожди!.. Ты хочешь прямо здесь? Я очень хочу, милый, но не могу здесь. Давай, у меня дома? Там будет очень хорошо. Давай?.. Ну, не будь таким сумасшедшим, милый! Мы же не одни!

Я выглянул из нашего укрытия и увидел, что в машинный зал снова начинает собираться народ; пробуждались также и «расслабившиеся».

– Вот видишь, глупенький, здесь нельзя, а дома можно, – торопливо говорила Оленька, приводя себя в порядок. – Расстегнул мне лифчик, сумасшедший! Что теперь делать

– Застегнуть.

– Сумасшедший, я сама!.. Ты только скажи: мы договорились? Ты не сбежишь от меня, как тогда на даче?

Сложив руки на груди, чтобы поддержать лифчик, Оленька выскочила из машинного зала.

– Где народ? – громко вопрошал комсорг, раскладывая на столе свои бумаги. – Подсаживайтесь поближе! Комсомольцы! Где комсомольцы?..

Я поудобнее устроился на стуле, подальше от мельтешившего комсорга, и прикрыл глаза. Мне было тепло и хорошо. Народ неторопливо подтягивался на собрание.

– Спишь? – раздался у меня над ухом голос Сэшеа. – Тебе жизнь обгаживают, а ты спишь! – Он обращался ко мне таким тоном, каким обращаются к товарищу по несчастью.

– Я притворяюсь, – лениво отозвался я, приоткрыв один глаз; я чувствовал себя замечательно.

– А это, между прочим, отличная мысль! – тут же подхватил Сэшеа, подсаживаясь со своим стулом ко мне. – Это что – метод? Притворяться, затаиться, чтобы выстоять? Надеть на себя маску? Ты хочешь сказать, что сознательно этим пользуешься? В этом есть нечто самурайское...

Я не возражал. Сэшеа вздохнул.

– Что – и тебе делалось? Что, Фюрер?

– Черт с ним.

– Жизнь не такая простая штука, если не хочешь юлить перед подлецами, правда? – сказал Сэшеа, которому показалось, что я расстроен.

– Истинная правда.

Все-таки после спирта вид у меня был, надо полагать, довольно беспечный, и Сэшеа подозрительно ко мне приглядывался.

– Товарищи комсомольцы, – начал между тем комсорг, – сегодняшнее собрание у нас необычное, потому что мы собрались в знаменательный день... – Кажется, он и сам толком не понимал, зачем ему потребовалось собирать это собрание, но логика подсказывала, что в знаменательный день он обязан это сделать. Но не голосовать же за одобрение или неодобрение политики партии?.. Впрочем, как обычно, комсорга никто не слушал.

– Нам нужно серьезно поговорить! – дернул меня за рукав Сэшеа. По-видимому, он был настроен продолжать тот идиотский разговор на лестничной площадке, прерванный появлением Фюрера. Я невольно улыбнулся.

– Если бы ты знал, в чем дело, у тебя бы сразу пропала охота ухмыляться! – обиделся Сэшеа.

– Что-то я перестал тебя понимать, – сказал я.

– Я уже говорил, что, может быть, это и лучше для тебя – не понимать. Продолжать делать вид, что ты ничего не понимаешь и не знаешь... – Сэшеа многозначительно приумолк, но, видя, что я тоже молчу, продолжал:

– Я ведь не желаю тебе зла. Всякое может случиться.

– Да что именно может случиться? Скажешь ты или нет?

– Всякое... – повторил он. – Я вообще тебя должен предупредить, старик, что теперь опасно даже быть моим другом. Так что ты прежде подумай!

– Ты просто, старик, расскажи, в чем дело, – посоветовал я.

Сэшеа наклонился к самому моему уху.

– Я, кажется, основательно влип, – сообщил он. – Влип, как дурак... Я не хочу впутывать тебя. Мне достаточно, если ты только пообещаешь, что, когда мне будет совсем худо, ты не бросишь меня одного!

– Что же обещать, – удивился я, – если я даже не понимаю, о чем речь?

– Ты только пообещай! Пообещай! – трагически шептал Сэшеа.

– А что именно может случиться?

– Да говорю: все что угодно!.. Может быть, меня... придут убивать...

– Так уж и убивать? – недоверчиво хмыкнул я. – За что же?

– За национальный вопрос, – выдохнул мой друг. – За что?!

– Потихе нельзя, товарищи? – недовольно крикнул комсорг.

– А что решаем? – крикнул я в ответ.

– Сегодня, когда взгляды всех советских людей прикованы к Кремлевскому Дворцу съездов, – забубнил комсорг, – где начал свою работу очередной исторический...

– Ты меня слушаешь? – снова дернул меня Сэшеа.

– Конечно... Ты начал рассказывать, как влип...

– Так вот. Когда мы только начали работать, черт меня дернул пройти по поводу сионистского лобби, – зашептал он, – и по поводу того, что ОНИ повсеместно захватывают власть.

– А с чего ты взял про лобби?

– Это же всем известно.

– Мне неизвестно.

– Так это тебе! – проворчал Сэшеа. – Это не значит – всем!

Я пристально посмотрел на друга: он говорил совершенно серьезно. Вот так люди сходят с ума. Шиза косит наши ряды, как говорится.

– Обо всем этом ты должен рассказать доктору, – сказал я.

– Очень остроумно!.. А ты хотя бы что-нибудь о масонах знаешь?

– А ты?

– Если бы я знал, то уже не сидел бы здесь с тобой... Но это неважно. Давай рассуждать логически. Как, по-твоему, мы с тобой ребята неглупые, талантливые?

– Без сомнения.

– Может быть, мы даже гении!

– Всё может быть.

– Ну?..

– Что ну?

– Кто, по-твоему, засунул нас с тобой в эту жопу?

– Они? – спросил я.

– Они, – кивнул он. – «Пятая колонна».

– Понятно... Поэтому жизнь для тебя потеряла смысл.

– Дошло наконец? – усмехнулся Сэшеа. – Ограниченность, в которой мы с тобой бьемся, отнюдь не случайное стечение обстоятельств.

– Все-таки, при чем здесь ты?

– Очень просто. Кто-то донес на меня Фюреру, что я назвал его жидом. Он мне этого не простит. ОНИ мне этого не простят. Хотя, я тебе честно скажу, насчет жида я без умысла сболтнул, я против них ничего не имею. Я вообще всегда был интернационалистом! У меня даже друг детства был еврей! Очень хороший человек. Я ведь и в школе, и в институте... – сбивчиво, словно оправдываясь, забормотал Сэшеа. – Ты меня знаешь...

– погоди, – остановил я его, – так, по-твоему, Фюрер – еврей?!

– Яснее ясного. Махровый. Достаточно только на него посмотреть...

– Ерунда! Эдак, по-твоему, и я вдруг окажусь евреем!

– Нет... Ты – нет...

Но в голосе Сэшеа не было уверенности.

– А может быть, все-таки да? – усмехнулся я.

– Нет-нет, – почти в ужасе зашептал мой друг, – мы с тобой совсем другие! Мы простые ребята, мы лопухи, мы что есть, то и говорим, мы...

Тут комсомольское собрание закончилось, а я даже не заметил, когда и за что мы проголосовали. Народ начал расходиться из машинного зала. Поднялись и мы с Сэшеа.

– Единственное, что меня может спасти, – поспешно договаривал он, – это поскорее уволиться отсюда. Отпустят ли только раньше положенной отработки?

– Не переживай. Если за полтора года ничего с тобой не случилось, то и теперь не случится. Никому ты не нужен.

– Э, ты не знаешь еще, что такое у них настоящее коварство и мстительность! Допустим, что физически они меня не тронут. Но уж морально постараются уничтожить. Здесь у них очень изощренная механика. Начинают как будто с мелочей – якобы, например, контролируют твою дисциплину, а на самом деле убивают в тебе человеческое достоинство! Ты опаздываешь из-за транспорта на работу или не спросясь выходишь в туалет, и тебя, взрослого человека,

вынуждают кривляться, искать каких-то немислимых уважительных причин, делают из тебя вечного шута...

– А может быть, проще поставить Фюреру бутылку – и работать спокойно? – предположил я.

– Лучше погибну! – заявил Сэшеа.

В три часа дня мы получили зарплату и, переложив на своих столах для вида по несколько бумаг, провели остаток времени на лестничной площадке. Оленька не спускала с меня глаз. Протрезвев, я почувствовал, что ее рыбе личико как-то больше не разжигает во мне желание узнать, как она применит на практике свои теоретические познания... Сообщив ей по секрету о трудностях семейной жизни Сэшеа, я подбил ее зайти после работы со мной и Сэшеа в «рюмочную», чтобы морально поддержать человека. Потом я поговорил с Сэшеа, который, немного поломавшись, тоже согласился.

В пять часов вечера с толпой служащих, высыпавших из стеклянных дверей НИИ, мы выбрались на воздух и зашагали по узкой и кривой улице, круто сбегавшей к метро и запруженной народом.

– Ну что, – шепнул мне Сэшеа, – я же говорю, что она явно озабочена!

Он взял Оленьку под руку. Я шел с другой стороны, и Оленька сунула руку в карман моей куртки. У нее был весьма счастливый вид, а мне стало ужасно смешно, что у нас с Сэшеа как будто разыгралось из-за нее соперничество.

В «рюмочной» мы выпили марочного портвейна, заев его шоколадкой. Я подмигивал Сэшеа: «Давай, мол, не теряйся!» – а сам прижимал коленом Оленькино бедро. Желание снова пробудилось. Соперничество в таком деле великий стимул. Разговор зашел о том, чтобы втроем отправиться к Оленьке. Но сначала решили купить вина.

В магазине Оленька заняла очередь в кассу, а мы с Сэшеа встали у прилавка.

– Чувствуешь! Она прямо-таки дрожит от возбуждения! – говорил Сэшеа. – Едва сдерживает себя!

– Я рад, что ты повеселел, – заметил я. – Видишь, как легко забываются все твои страхи, как только появляется новая цель!

– Я просто решил воспользоваться твоим приемчиком, – ответил он.

– Каким приемчиком?

– Я решил надеть на себя маску беспечности и так же, как ты, делать вид, что не замечаю происходящего.

– А что такое?

– Эх ты!.. Я ведь предупреждал, что теперь даже быть моим другом небезопасно, а ты не сделал никаких выводов! – В голосе Сэшеа звучало неподдельное беспокойство, но на лице он действительно изображал беспечность. – Оленька для нас сейчас прекрасное прикрытие...

– Прикрытие?

– А ты не замечаешь, что за нами постоянно следят?

Я невольно обернулся, но потом в раздражении выругался. Может быть, Сэшеа меня попросту разыгрывает? Или правда сошел с ума?

– Ладно, вы берите вино, а я подожду вас на улице, – вдруг заявил он и, бросив меня, поспешно выскочил из магазина.

Оленька достала полиэтиленовый пакет, и мы сложили в него бутылки.

Улица была украшена флагами. Переполненные автобусы с расплюснутыми на стеклах носами пассажиров, переваливаясь с бока на бок, сползали под горку.

– Где же Саша?

Сэшеа около магазина не оказалось. Мы подождали, но он не появлялся. Убежал.

– Я думаю, – сказала Оленька, – ему как раз необходимо побыть одному... А мы с тобой пойдем...

Я сделал шаг и хотел что-то возразить, но слова застряли у меня в горле.

На гладко утоптанном снегу тротуара расплывались громадные кровавые плевки.

Я всякий раз вздрагивал, потому что никак не мог привыкнуть, что наш путь от работы к метро проходил вблизи пункта неотложной стоматологической помощи. Я старался подавить в себе навязчивую тягу покоситься на очередное мерзкое пятно.

Врачи с лицами, не исполненными сострадания, вышли на морозец прямо в белых халатах и перекуривали под вывеской с красным крестом. Медсестра, врачиха – или кто там она была – неважно – похохатывала в окружении коллег, приятельски ухватывающих ее то за плечи, то за талию, то за шею, – похохатывала и поигрывала в ярко напomaженной пасти развратным языком. Я бы ей отдался... Но я поймал себя на мысли, что ведь она женщина совершенно того же типа, что и Лора, моя собственная жена, и подумал, что, пока женат, мечтаю всего лишь о том, чтобы моя жена была уютной, домашней женщиной, то есть не была похожа на саму себя... Вероятно, у медиков психика все-таки деформируется?

– Ну-ну, – одернула меня Оленька, – не засматривайся на шлюх!.. Пойдем, пойдем, мой хороший! – торопила она.

Я завоzilся со спичками и, закуривая, вдруг ощутил непреодолимое желание оглянуться, как будто почувствовал на себе чей-то необычайно пристальный взгляд. Я тут же оглянулся, но ничего особенного не заметил. Сумасшествие, я слышал, заразно. Сэшеа все-таки удалось задурить мне голову своим бредом.

Задумавшись, я непроизвольно взглянул на загаженный тротуар и скривился от досады.

– Черт, пойдем! – сказал я Оленьке.

И вот тут я увидел Его.

Лицо, знакомое лицо с усами-квадратными скобками вынырнуло неподалеку от киоска «Союзпечати» и сразу затерялось в толпе.

Озадаченный, я секунду соображал, кто это мог быть. Потом вспомнил. Господи, конечно же, это Ком!.. Он самый. Добряк, гимнаст и патриот. Тот самый институтский товарищ, по прозвищу Ком, который на четвертом курсе, когда основные трудности с учебой уже оставались позади, неожиданно для всех нас и без всяких видимых причин и объяснений забрал из института документы и бесследно исчез.

– Нет, погоди, – обрадованный, пробормотал я Оленьке, вырываясь. – Я сейчас...

Приподнимаясь на цыпочки и пытаясь высмотреть его в толпе, я стал пробираться по направлению к «Союзпечати». Плотная фаланга граждан развернула мне навстречу полотна свежих вечерних газет, отороченные красным шрифтом.

Я еще подумал, что Ком меня, пожалуй, тоже не сразу узнает, и решил, дай-ка я его разыграю: подойду и, к примеру, дерну за ус-квадратную скобку, полюбуюсь на его растерянную физиономию.

Однако около киоска Кома не было. Недоуменно пожимая плечами, я озирался по сторонам. Неужели обознался?

– Показалось, знакомого увидел, – сказал я подошедшей Оленьке.

– Что ты, мой хороший, – заворковала она, – просто ты немножко захмелел на свежем воздухе! Не надо нам сегодня никаких знакомых. Зачем нам знакомые? Пойдем! Я, может, тебя так хочу замучить, чтобы твоей жене ничего не осталось!

И Оленька потащила меня к метро, негодую на медлительных, тормозящих наше движение пенсионеров и женщин, груженных полными сумками. Но не сделали мы и тридцати шагов, как что-то приступообразное (ничего подобного со мной раньше не случилось!) снова обеспокоило меня и заставило оглянуться.

И опять я увидел его!

Обнаружилось, что Ком шел следом за нами, шел не спеша, спускаясь с толпой вниз по улице, как и мы к метро. Прохожие то и дело заслоняли его, но на этот раз я успел рассмотреть его очень хорошо.

На голове у Кома была летняя армейская не то панама, не то широкополая матерчатая шляпа – такие я как-то видел по телевизору на наших южных пограничниках – выцветшая и без звездочки, особенно странная для морозного февральского вечера. Кроме того, когда толпа чуть раздалась, я увидел, что Ком, сам коренастый и плотный, запахнут в длиннополую солдатскую шинель со споротыми знаками отличий. По шаркающей, но надежной походке я догадался обратить внимание на его обувь: под затертыми до голубизны джинсами навыпуск были простые кирзовые сапог и.

«Ну и хипней стал!» – подумал я про себя.

– Ха! Да вот же он! – остановил я Оленьку. – Подождем... Ты только полюбуйся на него!

– Это сейчас так важно? – обиделась та, не желая даже посмотреть.

Мы стояли прямо посреди тротуара; толпа валила к метро, и нас толкали со всех сторон. Я старался не выпускать Кома из виду. Он был уже совсем близко.

– Просто хочу дернуть старого друга за ус! – усмехнулся я.

Тут Ком вильнул в сторону. Его загородил какой-то тип в искусственной шубе. Но я не волновался: Ком должен был вот-вот поравняться с нами. Я ждал, но он все не показывался. Тип в искусственной шубе грубо протаранил меня плечом, потрескивавшим электростатикой, а Кома не было.

– Что же это такое? – растерялся я и шагнул вперед. Ком показался на мгновение в толпе, и я с удивлением увидел, что он быстро удаляется в противоположном направлении.

– Э, нет, не уйдет! Я должен дернуть его за ус! – заупрямился я, бросаюсь вдогонку.

Оленька повисла у меня на руке, и мы побежали вместе. Снова показалась вывеска с красным крестом. Бежать было нелегко: от выпитого мутило.

Неожиданно Ком срезал угол и исчез за дверью пункта неотложной стоматологической помощи. Зубы у него прихватило, что ли? Мы последовали за ним.

По стенам ломаного коридора скорбными, словно собравшимися на похороны группками томилась ожиданием какая-то публика. В ноздри ударил острый запах эфира. Мы побежали по коридору, но Кома среди скорбящих не оказалось. В самом аппендиксе медленно затворялась дверь в последний кабинет, и мы бросились туда. Пристенная публика тут же заволновалась. Кто-то даже попытался загородить нам путь, несмотря на мои заверения, что мы не *больные*. Нам все-таки удалось проскочить.

– Ах вот кто тебе нужен! – обиженно воскликнула Оленька и даже ревниво ущипнула меня за руку.

Я и сам удивился. Та самая напомаженная хохотунья, напомнившая мне Лору, склонилась над постанывавшим человеком в зубо врачебном кресле. Она проделывала какие-то манипуляции, а ее пациент сучил ногами по полу. Она повернула к нам свое раскрасневшееся лицо.

– Здесь медицинское учреждение! – усмехнулась она.

– А мы думали, дом свиданий! – с вызовом выкрикнула Оленька. Сидевший в кресле шумно переводил дух. Тоже раскрасневшийся и возбужденный, утирающий платочком тягучую слюну, он взглянул на нас замаслившимися глазками и почему-то захихикал.

– Все равно – в очередь! – засмеялась врачиха.

Кома в кабинете не было.

– Ах, какой ты все-таки бабник! – укоризненно сказала мне Оленька на улице.
– Он исчез, он испарился... – бессмысленно бормотал я себе под нос и озираясь по сторонам.

Однако дальше ситуация приобрела еще более нелепое развитие. Я нарочно шел медленно. Я осторожно скашивал взгляд и видел, что странная панاما возникала то тут, то там, но, как только я делал попытку приблизиться, моментально исчезала.

– Боже мой, – вздыхала Оленька, мотаясь со мной.

Я ровным счетом ничего не понимал. Меня все более развозило. Ориентироваться в пространстве становилось затруднительно. Я устал, мне хотелось лечь, раствориться в просторе летних лугов.

– Мы поедem на такси! – сказала Оленька, беря инициативу в свои руки. Я увидел себя на вершине зеленого холма между каменными столбами, испещренными языческими письменами. Руки скрещены на груди, глаза закрыты. Над столбами гудят ветра. У подножия холма искрятся ручьи.

– Пьяная ты морда, – с нежностью шептала Оленька, заботливо усаживая меня в такси, чтобы везти к себе. – Бибирево! – деловито бросила она водителю.

– Это где ж такое? – удивился тот. – В Москве?

Мы приехали к Оленьке. Пока я снимал в прихожей куртку, разувался, Оленькины родители осторожно высовывались из своих комнат и смотрели. К дочери пришел мужчина. Я поздоровался. Оленька строю шикнула на них, и родители послушно попрятались.

– Ты их держишь! – сказал я.

Она провела меня в свою комнату. Принесла бокалы для вина, жареную курицу, яблоки, конфеты, сигареты, пепельницу. Вообще засуетилась.

Тем временем я снял телефонную трубку и позвонил в Сокольники. Домой я даже не пытался звонить, так как почти наверняка знал, что Лоры нет дома. К телефону подошла Жанка.

– Привет, сестренка! – сказал я. – Как дела в школе?

– Плохо, братик, плохо! – пожаловалась она шепотом. – Одна надежда на тебя... Ты должен прийти в школу. Иначе будут звонить отцу или маман на работу!

– Нет, я не могу, – запротестовал я. – С какой стати я пойду к тебе в школу? Кто я такой?

– Ты же взял надо мной шефство! В школе я скажу, что ты мой старший брат, что ты меня воспитываешь. Миленький, я тебя очень прошу. Помогите! Я не хочу, чтобы дошло до родителей.

– Да что такого ты натворила?

– Не по телефону! Я тебе потом объясню... Ну договорились?

– Ладно, подумаю.

– Я тебя за это поцелую.

– Ну-ну! – прикрикнул я на нее. – Только без глупостей!

– Как хочешь, – засмеялась она.

– Лора у вас? – поинтересовался я.

– Нет, – бойко затараторила Жанка, – днем она собиралась взять у отца машину, чтобы ехать за продуктами к этому... к Валерию. Но потом, кажется, передумала...

– Да, – пробормотал я, – знаю... На самом деле я ничего не знал.

Об этом новом Лорином знакомом – Валерии я часто слышал последнее время в Сокольниках, там заочно уже начали считать его другом семьи. С некоторых пор Валерий снабжал нас различными дефицитными продуктами. Такое теплое отношение объяснялось, как рассказывала Лора, своеобразными обстоятельствами их знакомства. Она посадила его к себе

в машину, когда он, выпивший и наскандаливший в каком-то кабаке, был бит и преследуем. Словом, выручила. Теперь Валерий не хотел выглядеть неблагодарным и оказался чрезвычайно полезным знакомым...

– Что будем делать? – спросил я Оленьку, положив трубку.

– То, что ты хочешь!

– Я могу такого захотеть...

– А я знаю, что мужчины любят больше всего!

– Давай сначала еще вина выпьем, – предложил я, стараясь не смотреть на ее счастливое лицо. – Нам не помешают? – Я имел в виду ее родителей.

Оленька подошла к магнитофону и поставила кассету.

– Пока играет музыка, они ни за что не войдут! – успокоила она меня. – У нас на этот счет строжайшая договоренность. Я тоже имею право на личную жизнь! Я взрослый человек! Пока играет музыка, они ни за что не войдут!

Мы выпили, и я тут же налил еще.

– Чтобы не было лишних мыслей, – пояснил я.

– Я знаю, – поспешно согласилась Оленька.

Через пять минут она была совершенно пьяна и смеялась чистым, детским смехом. Глядя на нее, я тоже рассмеялся.

– Как жалко, что ты женат! – воскликнула она.

– Я иногда тоже так думаю, – признался я. – Мы с женой не понимаем друг друга.

Это звучало весьма приблизительно, но она очень обрадовалась.

– Поверь мне, я это постоянно чувствовала!.. Она тебя не устраивает? Да?

– Может быть, я ее не устраиваю... – Ты?!

– Почему нет? Мало ли найдется причин. Например, мое раннее облысение. Обидно оплешиветь в двадцать пять лет. Знаешь, чем только я не натирал голову, какой только дрянью не пробовал, ничего не помогает! Не хотят расти, и все тут!.. А ей, я полагаю, не по душе плешивые...

– Да разве это плешивость?! – воскликнула Оленька. – Это же ум, ум! Это просто умный лоб!.. О, милый, милый! – забормотала она, падая передо мной на колени. – Я хочу быть тебе интересной! – Она наклонилась ко мне.

Пока она делала то, что «мужчины любят больше всего», я смотрел на свои джинсы. Их подарил мне Игорь Евгеньевич, поносив совсем немного, – они только чуть-чуть потерлись на швах, а тесня, оказалось, не признавал потертостей; они были слегка велики, но зато зимой под них можно было надевать кальсоны...

Оленька без сил откинулась назад, на ковер, потом попыталась подняться, но не смогла, только лепетала что-то об искусстве любви. Она была очень пьяна. Я поднял ее и усадил на кровать. Она требовала, чтобы мы еще выпили. Она расколотила бокал, я собрал осколки и не заметил, как порезал палец. Потом я увидел кровь и стал перевязывать палец носовым платком. Оленька бормотала что-то о позах и одновременно о том, как она несчастна. Я с удивлением увидел, что она плачет, и принялся ее успокаивать. Не нужно было ей столько пить.

Пока она не отключилась окончательно, я помог ей раздеться и заботливо уложил в постель. В этот момент я услышал, что стучат в дверь, и увидел, что дверь начала медленно отворяться. Сообразив, в чем дело, я успел вскочить и переставить на магнитофоне закончившуюся кассету. Музыка заиграла вновь, и дверь тут же захлопнулась.

Потом я поспешно одевался в коридоре. Оленькины родители так же осторожно высматривались и смотрели. По возможности трезвым голосом я сказал «До свидания» – и вышел. Музыка все играла.

Я ехал к Сэшеа. Я вез пакет с оставшимися двумя бутылками. Народу в метро было полным-полно. Затертый в конец вагона, я некоторое время бессмысленно глазел на свое отражение в темном стекле, но потом вздрогнул и посмотрел через торцевое окно в соседний вагон.

В соседнем вагоне ехал Ком. Наши взгляды встретились, но его темно-карие, почти черные глаза смотрели совершенно безразлично – так, словно он меня не узнал. Я разозлился и показал ему язык, но он, идол, даже не изменил выражения лица, даже не моргнул... Зато какая-то бабка, стоявшая рядом с ним и решившая, что мой высунутый язык относится к ней, прямо-таки вскипела.

Смутившись, я отвернулся, а когда снова заглянул в соседний вагон, го увидел, что Ком исчез, и только бабка, здорово разъярившись, что-то вопила, даже носик покраснел, и указывала на меня другим пассажирам. Мне самому пришлось скрываться... Что касается Кома, то я не знал, что и думал, о его выходках.

Я приехал к Сэшеа, чтобы – как и обещал – помочь с переездом, но сразу понял, что меня здесь совсем не ждали и никаким переездом не пахло. Хозяева собирались ужинать. Мирно-дружно. Лена, перемешивающая на сковороде жаркое, приветливо мне улыбнулась. Сэшеа встретил меня одетый по-домашнему – в заношенных тренировочных брючках и майке. По телевизору транслировали Кубок СССР по футболу. Никаких признаков раздела имущества...

«Успели помириться», – подумал я с облегчением и крепко пожал Сэшеа руку, сразу позабыв обо всем, что он натрепал мне на работе. Его улыбка, правда, показалась мне какой-то настороженной, но я не стал задумываться над этим. Меня пригласили отужинать.

– Да! – воскликнул я, спохватившись. – Ты знаешь, кого я сегодня встретил? Я встретил Кома! Ты помнишь его?

– Что же мне его не помнить, – рассеянно сказал Сэшеа. – Еще ходили слухи, что он пошел служить в Афганистан.

– Верно!

– Такой оказался со странностями человек...

– Еще с какими странностями! – согласился я и рассказал, как Ком от меня бегал. – Не понимаю, в чем тут дело?!

– Это можно объяснить, – вмешалась Лена. – Просто ваш товарищ стесняется вас. Стесняется с вами встречаться, потому что так глупо потратить эти годы.

– Очень может быть, – кивнул я. – Он ведь все это время ни как не давал о себе знать, не писал, не звонил... Бедняга, ему действительно нельзя позавидовать. Все наши окончили институт, работают, переженились... А ему теперь все начинать сначала!.. Когда он ушел? В семьдесят восьмом... Да, мы обогнали его больше, чем на три года.

– Да, – с неожиданной желчью отозвался Сэшеа, – «обогнали»!..

– А разве нет? – удивился я.

Воспоминание об институтских временах настроило меня на лирическую волну.

– Между прочим, я отлично помню последний день, когда я видел Кома, – сказал я. – Это было в зимнюю сессию. Помню, я сидел в пустой аудитории, ждал преподавателя (был такой Михал Михалыч Собакин!), чтобы в седьмой или восьмой раз попытаться сдать зачет. День зимний, солнечный, в аудитории тихо, настроение гнусное, и вдруг в дверях в стойке на руках появляется Ком! На руках же проходит через всю аудиторию, а потом еще и сальто-мортале делает! Он, оказывается, тоже этот зачет не сдал. Часа два мы этого нашего Собакина ждали, и все это время Ком демонстрировал мне различные гимнастические штуки... Потом

пришел Собакин, некоторое время наблюдал за Комом и, поставив нам по тройку, удалился... А на следующий день Ком почему-то забрал документы...

– А почему его прозвали Ком? – спросила Лена.

– А как же его еще было называть? – удивился я. – С первого курса он был у нас в группе ком-соргом; потом в стройотрядах – сначала ком-миссаром отряда, потом ком-андиром... Стало быть, кругом – Ком.

После ужина Лена ушла укладывать Бэбика, а мы с Сэшеа остались на кухне.

– Ну что ты на меня уставился?! – вдруг набросился на меня Сэшеа.

– Как уставился? – не понял я.

– И эти намеки твои!.. – возмутился он. – «Бедняга Ком»! «Обогнали»! «Нельзя позавидовать»!.. Я и без твоих намеков знаю, что мне делать! Я своих решений не меняю! Не беспокойся, ты не зря приехал!

– Я ни на что не намекал...

– А-а... – с досадой отмахнулся от меня Сэшеа. – Жди тут. Я скоро... Вот в банке кофе. Приведи себя по крайней мере в чувство, если уж пришел помогать. Хорошего же мнения ты был бы обо мне, если бы попросил меня помочь в таком деле, а я бы нажрался, как ты!

– У меня с собой еще есть... – снова не понял я.

Сэшеа самолично бухнул мне в чашку сразу несколько ложек растворимого кофе, залил кипятком и размешал.

– Давай, приди в себя! – приказал он и вышел.

Я проглотил горький, перенасыщенный раствор с густой коричневой пенкой по краям и только тогда сообразил, что если бы я, дурак, не приперся сейчас, то, может, не спровоцировал этого психа уходить от жены. Еще я сообразил, что, вероятней всего, он еще ни о чем с ней даже не говорил. Я кинулся в коридор, чтобы уйти до того, как он с ней объяснится, но Сэшеа уже выходил от жены и задержал меня. Бледная и покорная, жена выглядывала из-за его спины.

– Да, я все понимаю, – говорила она. – Настоящий мужчина не может мириться с ограниченностью жизни...

Лена преподавала английский язык в школе, и я помнил, как Сэшеа, помешанный, как и все мы тогда, на всем западном (впрочем, нет – он был помешан особенно ярко!), буквально возликовал, когда познакомился с ней. Он немедленно вдохновился идеей, что, женившись на Лене, значительно приблизится к столь желанной английской культуре, освоит язык и прочее... Так или иначе, это было первейшее обстоятельство, определившее его выбор... Мне самому Лена казалась вполне симпатичной женщиной – домашней и уютной, – с которой можно нормально, спокойно жить... Но ведь у Сэшеа в голове всё в перевернутом виде!..

Сэшеа вышел ловить такси, а мне поручил спустить вниз колонки и магнитофон. Лена тем временем заботливо сложила в чемодан нижнее белье моего мятущегося друга.

– Честное слово, – смущенно начал я, – я тут ни при чем...

– Я его понимаю, – повторила она.

Погрузив в такси чемодан с бельем, магнитофон, колонки, гитару, коробку с записями, а также коробку с коллекцией рекламных проспектов, мы отправились к родителям Сэшеа.

С некоторым любопытством (все-таки не каждый день мы разводимся!) я наблюдал за состоянием моего друга. Первые несколько минут он еще делал озабоченное лицо, но потом бодро хлопнул меня по плечу:

– Все, старик, холостой мужчина! Завидуй!

– А как у тебя с Оленькой? – интересовался он, немного погодя. – Был все-таки у нее?

– Был, – ответил я. – Кстати, должен сказать, она усвоила из подброшенной тобой литературы самое ценное.

– А, мои «Веселые картинки»? – смутился он. – Она сама выпросила... И что же она усвоила?

– То, что мужчины любят больше всего.

– Очень рад, – кисло улыбнулся он. – Поздравляю...

– Спасибо.

– Слушай, – невинным тоном спросил Сэшеа без всякого перехода, – как ты думаешь, а ваша Жанка – девушка?

– Что?!

Намеренно или нет, но он неожиданно и чувствительнейшим образом задел меня. И удивительным было то, что я и сам не понимал, почему этот тривиально-циничный вопрос так мне неприятен. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить на лице нейтральное выражение.

– Это – немаловажная деталь, – деловито пояснил Сэшеа, – если я собираюсь Жалкой заняться со всей серьезностью... Теперь, я чувствую, я созрел для этого. Я даже чувствую, что именно в Жанке моя судьба. Я в этом уверен... А может быть, – спохватился он, – ты против этого? Я ведь не хотел бы без твоего согласия...

– Причем тут мое согласие? – буркнул я.

– Ну как же!.. Я должен с тобой посоветоваться. Сейчас мы друзья, а можем сделаться родственниками! Неплохо, а? Как по-твоему?

– Отстань от меня со своим бредом!

– Для тебя это бред, а для меня совсем наоборот. Я хочу счастья. Если ты мой друг, то ты тоже должен хотеть для меня счастья.

– Ей-богу, ты меня сегодня уже утомил своей болтовней!

– Нет, ты не уходи от ответа. Ты знаешь, как я ценю нашу дружбу и твое мнение! Ты мне прямо скажи: сам-то ты чего хочешь?

Чего я хотел? Я и сам этого не знал.

– Еще слово, – предупредил я, – и я наблюдаю тебе на грудь!

Водитель такси опасно оглянулся на нас.

– Он шутит, – успокоил водителя Сэшеа. – Он никогда себе такого не позволит. И потом – мы уже приехали.

Родители Сэшеа недоуменно наблюдали, как мы вносим вещи в его комнату, как он устривает по местам магнитофон и колонки.

– В чем дело, Саша? – обеспокоено спросила у него мать.

Сэшеа сосредоточенно распутывал шнуры и молчал. Я сел в уголок на тахту.

– В чем дело, Александр?

– Господи! – воскликнул Сэшеа. – Я знал, что без вопросов не обойдется! Всем все нужно объяснять! Теперь ведь и в уборную нельзя сходить без объяснений!

– Ты поссорился с Леной?

– Какая разница? Поссорился – не поссорился... Поживу пока у вас, а почему – объясню как-нибудь потом. Это еще моя комната или уже не моя? Я домой пришел или не домой? Может быть, мне на вокзал идти ночевать?

– Зачем на вокзал? – ужаснулась мать.

– Тогда всё! Аудиенция окончена! – Сэшеа вытеснил мать из комнаты и закрыл дверь.

Он взял в руки гитару и сел рядом со мной на тахту.

– Вот видишь, – уязвлено сказал он, – на человека давят со всех сторон. Шагу нельзя сделать вперед, чтобы тебя тут же не потащили назад! Одно и то же всю жизнь. Тебя опутывают, опутывают, как паутиной, с самого детства тысячами связей, ты постоянно кому-то что-то должен. То боишься обидеть родителей, близких, и поэтому делаешь так, как они хотят. То впрягаешься в учебу и непременно уж должен тащить эту лямку до конца. То боишься восстать против себя начальство... Чем дальше, тем хуже! Ты никогда не распоряжаешься собой, и как бы даже не вправе! Что – удивительно... И есть только один выход. Это нужно понять. Нужно собрать волю в кулак, и рвать, рвать! – Тут Сэшеа быстро переключился на гитаре несколько аккордов. – Давай, как в старые добрые времена, споем что-нибудь родное! – предложил он мне.

– Погоди. – Я достал из пакета начатую бутылку и, вытащив пробку, протянул Сэшеа.

– А, черт с тобой! Может быть, действительно надраться? У меня сейчас такое чувство, как будто мы с тобой перенеслись в пору ранней юности, помнишь?... Странно, но мы и тогда не чувствовали себя свободными. И все-таки все было как-то по-другому. Были перспективы. Ты помнишь, мы даже стихи писали, пробовали сочинять музыку!

– Занимались всякой ерундой, – согласился я.

– А если не ерундой?! – возразил Сэшеа. – Я, например, чувствовал, что во мне что-то такое есть! Печать гения, может быть, на мне была... А теперь я только могу сказать про себя: несостоявшийся поэт и музыкант! Инженер фигов! – Он начал играть на гитаре и напевать.

– *Мне кажется, нам не уйти далеко*, – душевно пел он, – *похоже, что мы взаперти. У каждого есть свой город и дом, и мы пойманы в этой сети...* Боря Гребенщиков! – с нежностью и значением непременно пояснил он. – Мой поэтический брат!

Я ему подпел, и, разойдясь, мы некоторое время самозабвенно горланили.

– Да, раньше музыка воспринималась как-то по-особенному! – сказал я. – Теперь не то. Мы по очереди пили из бутылки.

– Я чувствую, что еще могу возродиться, – сказал Сэшеа. – Вот спели – и какой-то свет. Такое свежее, ясное ощущение юности. Это кое-что значит! Главное, чтобы не притупилась способность ощущать! Мы должны беречь свои ощущения! Тогда никто не сможет заставить нас быть уродами!

– Будем беречь!

– Нужно только почаще вспоминать то время. Ведь нам есть что вспомнить!.. Ну-ка, напрягись, что тебе сейчас припоминается?

– Сейчас... Ну хотя бы... Маринка. Помнишь такую, на скамейке в парке, а потом – диспансер?..

– Ну, ты и вспомнил! Такую дрянь!..

Так случилось, что первая женщина у нас с Сэшеа оказалась одна на двоих. Какая-то неизвестная пьяная девка Марина, без проблем отдавшаяся прямо на садовой скамье. Несколько дней спустя, Сэшеа прибежал ко мне перепуганный подозрением, что она заразила нас триппером, и уговорил пойти провериться. В диспансере, как будто каждый сам по себе, мы ходили на прием к одному веселому старичку венерологу, который, впрыснув нам в каналы посевную вакцину, посоветовал пойти после процедуры выпить пивка, что мы по наивности послушно исполнили. А затем я и Сэшеа, стоя с переполненными мочевыми пузырями у писсуаров, мучились от резей при попытках выдавить из себя хоть каплю – одновременно корчились от смеха, глядя на страдания друг друга...

Было слышно, как в коридоре родители Сэшеа по очереди разговаривают по телефону с Леной.

– Давай еще что-нибудь родное, – сказал Сэшеа и снова забренчал на гитаре.

«Любовь – это все, что нам нужно», – запел он по-английски, конечно.

– Подлец, она плачет! – сказал через дверь отец.

– Мне что – тоже поплакать? – закричал Сэшеа.

– Подлец, лучше бы ты ночевал на вокзале!

Ссора, однако, не успела разгореться... В дверь позвонили, и в квартиру как ни в чем не бывало ступил Ком.

– Ком! – вскричал я.

Родители притихли. Я обменялся с Комом рукопожатием; кисть у него на ощупь была тяжелая и плотная, словно мешочек с песком.

– Вы знаете, кто это такой? – обратился Сэшеа к родителям, которые изумленно рассматривали странного гостя. – Это человек, который воевал в Афганистане. Это – Ком, давно пропавший без вести. Воин-интернационалист, наш старый друг!..

Не успел я оглянуться, как Ком уже сидел вместе с нами – в свитере, джинсах и комнатных тапочках, оставив в коридоре шинель, панаму и сапоги, – и спокойно присматривался к обстановке, потирая ладонью покрасневшие с мороза уши.

– Ты зачем за мной следил? Ты зачем от меня убежал? – первым делом спросил я его.

– Он слишком много пьет? – поинтересовался Ком у Сэшеа, показывая на меня.

– Любит, – ответил тот.

Странно, из ерунды вроде придиорок Фюрера Сэшеа готов вывести целую теорию, а на важные вещи даже внимания не обращал.

– Ты хочешь сказать, что не следил за мной и не убежал? – спросил я Кома.

– Даже не понимаю, о чем ты говоришь, – сказал тот, с каким-то любопытством рассматривая меня своими черными глазами.

Он удобно устроился в кресле, подобрав под себя скрещенные ноги, и выглядел совершенно естественным. Вот где самое масонство!

Я был, конечно, здорово пьян, но не настолько, чтобы полностью утратить логическое мышление.

– Хорошо, – сказал я, – а как ты объяснишь, откуда ты узнал, что найдешь здесь Сэшеа, он ведь только сегодня утром решил переехать от жены к родителям?

– А откуда же я мог знать, – не моргнув глазом, отвечал Ком, – что Александр вообще женат? Куда я еще мог прийти, как не по его старому адресу? Решил зайти – и зашел.

– Что вы, ей-богу, старики, столько лет не видели друг друга, а заспорили о какой-то чепухе! – воскликнул Сэшеа.

– И то правда, – согласился я, решив про себя, что еще успею с этим разобраться.

Возможно, Ком действительно стесняется своего положения, решил я, вспомнив разумное предположение Лены. Однако я не понимал, для чего ему понадобилось врать, что он за мной не следил...

– Так ты служил в Афганистане? – спросил я Кома.

– Служил.

– Ну и как?

– Нормально.

Теперь я видел перед собой только старого товарища, который на самом деле отстал от нас, от жизни на три долгих года. Я смотрел на него как на несомненного неудачника и, конечно, сочувствовал. Я протянул ему бутылку.

– Не пью, – сказал Ком.

– Тогда – так рассказывай.

– Что рассказывать?

– Первоначально об афганских женщинах, – вмешался Сэшеа. – Каковы они в деле? В боевой обстановке?

Ком нахмурился.

– Я не люблю таких шуток.

– Ладно, о женщинах после, – сказал я. – Ты скажи: почему ты все-таки бросил тогда институт?

– Так... надоело.

– И всё?

– Всё.

– Молодец! – воскликнул Сэшеа. – Этого вполне достаточно. Он, оказывается, был умнее всех нас. Только так и нужно поступать: рвать, рвать!.. Я тебе об этом и толковал!.. Честное слово, я всегда чувствовал, что в Кома что-то такое есть. Особенное!

– Ну и чего ты этим добился? – спросил я Кома.

– Я ничего не добивался.

– Ты рассуждаешь, как... урод! – опять перебил меня Сэшеа. – Он поступил так, как захотел. В этом его гениальность! Это самое главное! И не нужно этих пошлых, обывательских вопросов, не жалеет ли он теперь, не считает ли, что погорячился тогда. Я его понимаю и зави-
дую ему. Он жил, как считал нужным!.. Старик, – обратился он к Кома, – давай, я тебе что-
нибудь родное поставлю. Я ведь помню, какая вещь была у тебя самая любимая. «Хоп-хей-
хоп», верно? Помню, ты меня раз двадцать подряд заставлял ее прокручивать...

– Мне все равно, – равнодушно сказал Ком.

– Господи, что я слышу! – изумился Сэшеа. – Ты серьезно? Ну, давай что-то другое. Что-
нибудь старое, доброе, вечное...

– Это все наносное, – сказал Ком.

– Не понял??

– Ты думаешь, в походных условиях это вспоминалось? Это хотелось слушать?

– А что вспоминалось? Уж не Кобзон ли?

– Да, наши, советские песни. Не Битлз, не Дип Перпл.

– Караул, – только и смог сказать Сэшеа.

– Что же ты, мерзавец, не написал ни разу, не позвонил, когда уходил и когда возвра-
щался? Не порадовал... – спросил я Кома.

– Чем радовать?

Да, здорово он одичал. И похоже, из него это еще не скоро выветрится.

– Что же ты теперь собираешься делать? Учиться? Работать?

Он, оказывается, когда вернулся из армии, восстановился в институте, да не понра-
вилось – не проучился и семестра, снова бросил; решил, что, если понадобится, закончит
на вечернем отделении, пойдет работать...

– А куда? – спросил я.

– Да все равно... Что если к вам, в ваше учреждение лаборантом? – спросил Ком.

– Конечно, вместе веселее! А лаборанты всегда позарез нужны, – сказал я.

– Но у нас, – предупредил его Сэшеа, спохватившись, – клоака еще та! Ком вопроси-
тельно взглянул на меня.

– Нормально, – успокоил я его, – не хуже, чем везде.

– Вот именно, – мрачно вставил Сэшеа, – как везде.

Ком переводил взгляд то на одного из нас, то на другого, как бы сравнивая нас между
собой. Я достал сигареты и протянул ему.

– Не курю, – сказал он.

– Продолжаешь заниматься спортом?

- Так, для себя...
- Слушай, Ком, – почему-то усмехнулся я, – а кем ты в армии был?
- Командиром отделения и комсоргом.
- И в партию вступил
- Допустим.
- Ком есть Ком! – сказал Сэшеа.

Мы замолчали. И сказать больше вроде бы было нечего. Я допил то, что оставалось в бутылке. Я предложил открыть последнюю, но Сэшеа не поддержал; он полулежал на тахте и смотрел на свои носки.

Ком остановил взгляд на мне и задумчиво пощипывал ус-квадратную скобку. «У него низкий лоб тугодума, а у меня интеллигентная плешь...» размышлял я. Вообще какой-то он замороженный. Видимо, все-таки поем стал в умственном развитии за годы службы. Что он устался на меня круглыми, дикими глазами? Какая мысль скребется в его голове? Надо помочь парню. Может быть, ему как раз не хватает сейчас дружеской поддержки. Я был, конечно, пьян. Бедняга, Ком!.. Но что он все смотрит?.. Ему необходима дружеская поддержка!

– Я сейчас понял, – вдруг сказал мне Ком. – Ты очень похож на одного человека! – И мне показалось, что его взгляд потеплел.

Я ничего не имел против того, чтобы быть на кого-то похожим.

– Его звали АНТОН, – сказал Ком.

– КИС-КИС, – пробормотал я.

В голове моей осторожно ходит хитрый и огромный кот. В Сокольниках, между прочим, кличка у кота как раз Антон. Холеный, сиамский. За умение устраиваться на унитазах и гадить «по-цивильному» он считается достопримечательностью семьи; всякий раз гостям демонстрируется это его уникальное умение. Но я, к счастью, уже давно не гость, а всего лишь зять. То есть член семьи, можно сказать.

– Так ты говоришь, что его звали Антон, – сказал я, прислушиваясь к своим словам, как будто их произносил кто-то другой. – Человека звали Антон...

Сэшеа поднялся и поставил Битлз. Была у него специальная подборка лучших вещей. Должно быть, он все-таки надеялся пронять Кома, растопить ледок. Я расслабленно закрыл глаза и почувствовал, что ничего, кроме музыки, лично мне не надо. Мне вдруг действительно удалось восстановить в себе то замечательное ощущение юности, о котором говорил Сэшеа.

Потом я услышал негромкий, но твердый голос Кома.

– Мы с ним вместе служили. Там. Мы мечтали, как вместе вернемся в Союз, как будем жить дальше... Он был мне как брат. Нет, ты не поймешь, надо было быть там... В общем, мы решили, что здесь нельзя жить по-прежнему, и мы знали, что нам делать. Он был очень похож на тебя. Его звали Антон. Он погиб... Я вернулся один, но не забыл ничего... Жить, как мы мечтали... Я смотрю на тебя и думаю, как ты похож на него.

– У вас там наверно была мясорубка, – сочувственно сказал я, открывая глаза. – Представляю себе...

(Антон! Какой идиотизм давать котам человеческие имена! Об этом, кажется, даже в газетах писали.)

Потом в коридоре я примерил панаму и шинель Кома, а Ком, как зачарованный, смотрел на меня.

– Очень похож, – твердил он. Я даже растрогался.

Мы вышли от Сэшеа вдвоем, и я почувствовал, что ему очень жаль со мной расставаться.

– Ну, старик, я думаю, скоро увидимся, – сказал я, прощаясь. – И давай больше не будем друг друга дурачить, – добавил я, намекая на его сегодняшние выходки.

- Согласен, – просто кивнул Ком. – А когда увидимся? Может, завтра?
– Почему бы и нет?..

Я ехал домой. В метро, когда поезд притормаживал, мне казалось, что мои мозги, разжиженные алкоголем, по инерции уплывают дальше. После «Автозаводской» поезд вырвался на поверхность. Пассажиры приникли к окнам: на горизонте черное небо озарилось гроздьями праздничного салюта.

У подъезда, воткнутая кем-то в сугроб (выброшенная еще с Нового года), торчала пожухлая елочка с облезлыми ветками, на которых трепыхались остатки серебряного, «дождика». Я посмотрел вверх. В нашем окне горел свет, Я нагнулся и, зачерпнув горсть снега, хорошо растер виски и уши, чтобы немного прийти в себя. После этого я вернулся к мысли, которая пришла мне в голову, когда я увидел в окне свет. Мне почему-то ясно представилось, что Лора дома не одна, а с этим... с Валерием... Я ощутил мощный прилив злости, хотя, кажется, ревновать друг друга при наших отношениях в последнее время было, по крайней мере, глупо. «Уж не симптом ли это развивающегося алкоголизма – беспричинная ревность?» – подумал я с беспокойством, будучи волей-неволей осведомлен в некоторых медицинских вопросах.

Но Лора была дома одна. Когда я вошел, она одиноко сидела за столом, накрытом домашнему. Печальная, женственная, красивая. Она слушала свой любимый Пинк Флойд. Телевизор тоже работал, но звук был выведен. На экране открывал и закрывал рот Леонид Ильич.

Я понял ее состояние так: она меня ждала, она старалась, она готовилась, а я все не приходил – я пил на работе, с Оленькой, с Сэшеа... Я почувствовал себя негодяем.

Мне захотелось взять Лору на руки и покружить. Но я с огорчением подумал, что сейчас это вряд ли будет мне под силу. Тогда я просто взял ее за руку, она встала, и мы начали танцевать. Я был счастлив, что она – моя жена, моя женщина; именно она. Она обняла меня за плечи, и я тут же вспомнил наше знакомство, наш первый танец.

Это был период, когда я буквально рыскал в поисках женщины, в которую можно было бы влюбиться; я мечтал о неожиданной, страстной встрече, о мгновенном соединении без всяких предварительных околичностей. И вот на вечеринке в общежитии медицинского института я пригласил танцевать темноволосую девушку с холодным, бледным лицом, которая вдруг так решительно прижалась ко мне всем телом, как будто это был не танец, а единоборство объятий. Мы молча душили друг друга.

Я взглянул на ее чуть раздумавшееся лицо и спросил:

– Танцуем еще?

– Да, конечно! – сказала она. – Так хорошо... Было очень плохо, а так – хорошо...

– У тебя какие-то неприятности?

– Неважно... Просто мне сейчас нужен человек, который бы меня очень любил.

– А мне, – восхитился я, – очень нужна женщина, в которую можно было бы влюбиться!

Через полчаса, когда я стал ее раздевать на продавленной чуть не до пола общежитской койке, она вдруг усмехнулась.

– Подожди минутку, – попросила она. – Я только хочу сначала тебя кое о чем предупредить... Я – особенная женщина. Меня изнасиловали в четырнадцать лет, и с тех пор у меня, может быть, слишком большой опыт в этих делах. Я, например, спала с двумя мужчинами одновременно? Тебя это шокирует?

– Я хочу тебя любить!

– Ты мне тоже очень понравился, поверь. Но, пока ты не влюбился в меня по-настоящему, я хочу, чтобы ты подумал, стоит ли влюбляться... Я уже сказала, что я особенная женщина.

Один человек, который любил меня, умер на мне от сердечного приступа... Ты тоже хочешь рискнуть? Не испугаешься?

– Если это так, то я завидую этому человеку!

– Тогда иди ко мне... Нет! Подожди! – Она снова остановила меня. – Я должна сказать тебе еще об одном... Я хочу, чтобы ты все знал. Я сейчас беременна. И у меня уже приличный срок.

Она обрушила на меня эти невероятные вещи, но они не только не охладили мой пыл, наоборот, я едва с ума не сошел от любви.

– Я бы хотел, чтобы ты стала моей женой, – сказал я, бросившись напролом.

– А что, если я соглашусь?

– Я тебя прошу!

– Хорошо, я согласна... А сейчас бери меня, не бойся!..

Впоследствии я стал догадываться, что большая часть из того, что она рассказала мне в первую ночь в общежитии, скорее всего, не имеет ничего общего с действительностью. Она наговаривала на себя, а я мучился сомнениями. Впрочем, одно оказалось правдой: она была беременна, а насчет остального я так никогда и не смог выяснить наверняка... Мы быстро поженились. Конечно, никакой свадьбы не отмечали: никакой фаты для невесты, никакой тройки для жениха. Лора была просто в нарядном платье, а я – в почти новых джинсах тестя... Сразу после свадьбы у Лоры случился выкидыш. Она долго болела потом, и я заботился о ней, и то время, наш «медовый месяц», когда она поправлялась после больницы, было очень счастливым, и все было прекрасно до тех пор, пока не произошла эта отвратительная сцена в ванной... Но тут я поспешно оборвал свои воспоминания.

– У Сэшеа неприятности в личной жизни, – сказал я Лоре, – то есть даже не в личной жизни, а вообще – легкий неврозик, мания преследования, комплексы и все такое. Он напрашивается к тебе в пациенты. Не возьмешься, интересуется, его починить?

– Сексотерапией?

– Я серьезно, Лора.

– И я серьезно. У меня к нему, к твоему лучшему другу, половая антипатия. Я не выношу этих... страдалцев.

На столе стоял хрустальный графин, подарок маман, наполненный на три четверти, по-видимому, коньяком. Пила ли Лора, пока меня не было?

– Жанка сказала, что ты собиралась сегодня съездить за продуктами к этому своему новому знакомому.

– Она смышленная девочка, наша Жанка, но на этот раз не угадала. Не совсем угадала.

– Ты ждала меня, а я не знал. Прости! Лора удивленно взглянула на меня.

– Я тебя что – ждала?.. – Она высвободилась из моих рук и села за стол. – Ни в коем случае. Я ждала, но не тебя, нет. И было бы лучше, если бы ты вообще не приходил. Было бы лучше, если бы ты остался успокаивать своего слабоумного друга и, напившись, уснул бы там с ним в обнимку.

– Ну-ну, кого же ты могла ждать? – Я подошел и попробовал ее поцеловать, она уклонилась.

– О, я вижу, ты пришел очень возбужденный. И тебя переполняет нежность. Догнать тебя, очевидно, будет нелегко, но я попробую!.. Налей мне, пожалуйста. Я налил из графина ей и себе.

– Давай пересядем на кровать, – предложил я.

– Ты куда-нибудь торопишься, дорогой?.. Ты же знаешь, что я не люблю этих наскоков. Я хочу быть сначала другом, а уж потом – женщиной... Ты, может, сделал большую ошибку, что не попробовал со мной подружиться. Если хочешь знать, женщины – самые преданные друзья... Но теперь, конечно, поздно!

– Не ломайся, Лора. Ведь ты ждала меня.

– Я ждала своего друга. Не тебя. К сожалению, друг не смог прийти. Я ждала Валерия.

– Черт, ты все врешь!.. Зачем ты врешь?

– Зачем мне врать? Я его ждала, но его задержали на работе. У него ответственная работа.

– А как же я? – вырвалось у меня. Лора усмехнулась.

Графин с коньяком на удивление быстро пустел. Несколько раз мы вставали танцевать. Несколько раз я пытался затащить Лору в постель, но всякий раз она ускользала. Она раздражалась. Я не мог понять, в шутку или всерьез. Я оставлял ее в покое, и мы продолжали пить.

– Нет, – смеялась она, – я не отдамся, не отдамся! Чтобы во мне что-то шевельнулось, я должна видеть, что меня действительно любят. Я загораюсь только от более сильного чувства. Я не могу заниматься этим спокойно, автоматически. Если от меня не сходят с ума, если меня не носят на руках, я даже целоваться не могу – скулы сводит, честное слово! Не понимаю, как это некоторые могут, как собачки... Ты не разбираешься в женской психологии...

– Ты же знаешь, как я тебя люблю, – убеждал я ее. – Я хочу, чтобы у нас все было хорошо. Но ведь не получается, не получается...

– Потому что ты не понимаешь, что нужно женщине! – Она уже не могла стоять на ногах, она села на кровать. – Подожди... Ты принес в пакете бутылку? Не скупердяйничай, открывай!

Мы принялись за вино.

– Женщине нужен лев! – Лора уже с трудом ворочала языком. – Настоящий лев, хищник...

– Царь зверей, – сказал я.

Моментами я выключался из действительности.

– Царь зверей... А она бы, женщина, около него эдаким шакалом терлась. Шакальчиком. Он зарычит, а она тоненько так подскуливает: у-у! у-у!.. Это же так просто. Женщина хочет чувствовать себя самкой, а если ей в этом отказывают, бесится... На грозный рык хозяина покорно подставляться... Это наслаждение. Это истинное счастье.

– Это точка зрения, – пробормотал я; смысл ее слов плохо доходил до меня.

– И любые слова женщины – кокетство, – продолжала Лора, мурлыка. – Мужик должен идти к своей цели напролом: «в койку» – и все тут!..

Это я понял. Я навалился на жену и стал ее раздевать. Сначала она вяло сопротивлялась, – я уговаривал ее, ласкал, называл «любимой», – но потом яростно вырвалась:

– Нельзя же понимать все так буквально! – И когда я опять потянулся, чтобы ее обнять, закричала уже с настоящей злостью: – Если тебе невтерпеж, можешь заняться онанизмом!

Я так устал и опьянел, что уже никак не отреагировал на этот крик. Еще некоторое время мы лежали молча и только передавали друг другу бутылку. У меня уже не было сил цепляться за реальность, и я неуклонно съезжал в небытие.

– Эх, мужика бы сейчас, – простонала Лора; пустая бутылка выпала у нее из рук и покатилась по полу.

Комната начала кружиться. Предметы и звуки смешались в один тягостный кошмар. Постель засасывала, как болото. Я увидел, что Лора, опершись на локоть, наклонилась над полом: ее тошнило. Я задержался, запутавшись в одеяле, пополз к своему краю, свесился с постели, и меня самого вывернуло.

Я очнулся глубокой ночью. Комната озарялась рябящим светом пустого телеэкрана. Я добрался до ванной и попил холодной воды. Вернувшись, я взглянул на бледную Лору, непо-

движно лежащую в развороченной постели, на результат нашего пьяного свинства – пестрые блины на полу, и мне сделалось невыносимо горько и стыдно. Превозмогая головокружение, я притащил тряпку и тщательно подтер пол. Потом запихнул тряпку в мусорное ведро, вымыл руки, поправил постель, открыл форточку, забрался под одеяло с головой и стал вспоминать детство.

Наступило утро, то есть не утро, а последний кусок ночи, называемый утром. Я почувствовал, что несчастлив, когда мгновенно, словно нюхнув нашатыря, вынырнул из сна. На улице горели фонари и падал снег. Будильник показывал без одной минуты семь. Я поспешно надавил на кнопку звонка, не помня, что вчера его и не заводил.

Я включил ночник и стоял на ковре в часах и носках. Пуговицы на рубашке застегивались пальцами, еще не обретшими гибкость. Я находился еще без штанов. Их я держал в руке. Взглянув в свете ночника на спящую жену, я сразу догадался, что она вставала ночью и приводила себя в порядок – косметика была смыта, волосы расчесаны, лицо посвежело от крема.

Она спала на спине, закинув руки за голову, отчего ее грудь как бы протыкала сосками одеяло. Выражение ее лица загадочно менялось: черты то напрягались, то становились пре-красно смягчены. Погоня, лестница и кинжал являлись ей во сне.

Глядя на жену, я искренне не понимал, почему я должен надевать штаны и идти на работу, во имя чего... Я поместил штаны обратно на спинку стула, а вслед за ними и рубашку и, откинув одеяло, крепко обнял жену, пластичную и податливую спросонок, словно нагретое олово. Веки ее чуть приоткрылись, обнаружив расширенный черный зрачок, но я не ослабил объятие, и зрачок закатился вверх, а под веками заходили белки, а немного позже, в последнем рывке к насыщению, она выгнулась почти в гимнастический мост.

Листая ксерокопированные странички Фрейда, я позавтракал свиными сардельками – последним, что оставалось в холодильнике от прошлых поставок друга семьи Валерия. Я разглядывал корешки книг, сложенных на подоконнике. Это были книги сплошь по психиатрии и нервным болезням. Лора увлеченно собирала их, а я в шутку называл это домашнее собрание «сумасшедшей библиотекой». В них можно было натолкнуться на довольно забавные вещи. Например, в одной рассказывалось, как некто Х., паралитик, въехал однажды на своей каталке в комнату и застал жену с любовником, который, увидев Х., выпрыгнул в окошко. Х. в ярости вскочил с каталки, погнался за обидчиком, перелез через забор, перепрыгнул через канаву, повалил обидчика на землю и укусил его за нос... Фрейд был не столь забавен. И что такое Фрейд для советского человека? Нонсенс... Я отыскал анальгин и принял две таблетки.

На работе мне было плохо. На лестничной площадке черного хода я устроился на подоконнике и охлаждал лоб о холодное оконное стекло.

– А знаешь, – первым делом сообщил мне Сэшеа, – я ведь вчера вернулся обратно, к жене... – Он выжидательно посмотрел на меня, вероятно приготовившись достойно ответить на мои насмешки по этому поводу, но мне было не до того. – Конечно, – сказал он, – ты, может быть, перестанешь меня уважать, но, когда вы с Комом ушли, я вдруг понял, что развод – это не главное. А кроме того, это повод для них... для этих... ну, ты знаешь для кого...

Потом Сэшеа, как привязанный, ходил за мной и вздыхал.

– Ты ведь сам высказывался за скрытность действий, – говорил он, – и я должен признаться, что это совсем не глупо! Совсем не глупо!.. А ты на меня не обижаешься, что так все вышло? – не мог успокоиться он.

– Что ты, наоборот, я очень рад! – пробормотал я.

Сэшеа оценил мое великодушие и из благодарности признал:

– нет, ты все-таки еще не безнадежно опустился...

Затем меня отловила Оленька. Не смея взглянуть мне в глаза, пролепетала:

– Ты на меня не обижаешься? Я очень плохо вела себя вчера?

– Что ты, все было отлично, – заверил я.

– ты, конечно, можешь сразу забыть обо всем. Это ведь было как безумие, как солнечный удар... Помнишь, у Бунина?... Я только хочу, чтобы ты знал: я очень благодарна тебе за то, что ты сделал со мной!

Оленька покраснела и убежала, а я рассеянно смотрел ей вслед, не очень понимая, что же такого я с ней вчера сделал. Очень мне было плохо. Из радиотранслятора звучал Тихон Хренников. Пришлось отпроситься у Фюрера с обеда в «поликлинику».

В пивной было надымлено и жарко. Я снял шапку, чтобы дышала голова, и сунул подмышку. Я приподнял свою тарелку и кружку, когда старуха уборщица с синяком под глазом смахивала со стола хлюпавшей тряпкой юры креветочной шелухи. Я подождал, пока она отъедет со своей тележкой, и продолжал нить пиво, с интересом наблюдая за действиями дохлого субъекта в плаще болонье и ушанке. До того как старуха уехала, он таился в углу, а теперь продолжил сливать в свою кружку остатки пива из чужих, пока не нацедил до самых краев и не выпил с наслаждением, зажевав брошенным рыбьим хвостом. Я удивился, как можно было так потерять человеческое достоинство... Потом я вспомнил, о чем меня просила вчера Жанка.

По дороге в школу, я зашел в какую-то столовую, пробил в кассе за два чая с лимоном, выудил из стаканов тоненькие дольки лимона и тщательно разжевывал, чтобы отбить запах спиртного

Поеживаясь от холода после пива, я ждал Жанку около школы, несколько в стороне от бесившихся школьников, курил и стряхивал пепел в сугроб. Учащиеся средних и старших классов порасстреляли у меня почти все сигареты. Чтобы как-то настроиться на предстоящий разговор с Жанкиными учителями, я решил вспомнить что-нибудь из собственной школьной жизни. И я вспомнил, что была, например, у нас учительница литературы, которая сначала все цитировала Блока, а потом попробовала повеситься в физкультурном зале, когда по школе поползли слухи, что она беременна от ученика... Нет, это было не то...

Девочка показалась в дверях школы – стройная, смуглая, в шубке с капюшоном, с выбивающимися концами красного пионерского галстука. Она сразу заметила меня и стала медленно спускаться по ступеням крыльца во двор. Когда я любовался ею, вышедший следом мальчишка вдруг разбежался и что было силы пихнул ее обеими руками с крыльца – в сугроб.

– Жанка! – крикнул я. Я было погнался за мальчишкой, но тот, шустрый мерзавец, юркнул за угол и скрылся.

Я подбежал к Жанке и помог ей подняться, вытряхнул из-за воротника набившийся снег, для чего мне пришлось отвести ладонью в сторону ее светлые, прямые волосы.

– Кто это? – спросил я.

– Мало ли их, дебилов...

Она отдала мне свой портфель.

– Молодец, что пришел, братик.

– Ну, рассказывай.

– Много накопилось... Во-первых, учеба. Ты знаешь... Во-вторых, обследование...

– Какое обследование? – не понял я.

– А это тебе, братик, пусть Ледокол, наша классная, объяснит. Сориентируешься по обстановке. Пообещай ей что-нибудь или соври. В общем, выручай. Иди. Зовут ее Тамара Ивановна. Выручишь, поцелую, как обещала.

– Кажется, и в самом деле придется заняться твоим воспитанием! – строго сказал я.

– Придется, придется!

Я поднялся в учительскую. Там сидел пожилой человек и ковырял в носу. Это был учитель по труду.

– Могу я видеть Тамару Ивановну?

– Тамару Ивановну?

– Тамару Ивановну.

Учитель выглянул в коридор, поманил ученика и послал его на розыски «классной». Некоторое время мы сидели молча, потом учитель сообщил:

– Каждый подросток, видите ли, должен осознать в себе любовь к труду. Я не нашелся, что на это возразить. Еще через некоторое время из коридора донесся резкий стук женских каблучков.

– Тамара Ивановна, – сообщил учитель.

Я посмотрел. Сначала в дверях появился нос (точнее, носяра), затем мощный бюст, а уж затем сама «классная», причем нос и бюст оказались сбалансированы эффектно отставленным задом. Вот уж действительно «ледокол»! Особенно если представить ее во время перемены, пробивающей себе дорогу среди моря ребячьих голов. Головы так и трещат, надо думать.

– Ставлю вас в известность, что мы планируем Жанну в ПТУ, – решительно начала Ледокол. – Думаю, что спорить нам по этому пункту уже не имеет смысла. Таковы обстоятельства. Факты. Как бы нам ни было жаль, но оснований для перемены решения у нас нет.

– Роль школы в жизни общества, – ей в тон подхватил я, – именно такова, и я как представитель семьи не осмеливаюсь подвергать малейшему сомнению ваши выводы.

– Еще бы!

– Хотелось бы просто разобраться в своих упущениях...

– Не поздно ли хватились, товарищи родители?

– Ой, поздно! Ой, поздно! Нельзя не признать!

– То-то. Кроме самих себя, пенять не на кого.

– Увы, увы...

– Если бы мы даже *хотели* оставить Жанну в школе, то были бы бессильны это сделать.

Судите сами...

– Я вас слушаю.

– Во-первых, учеба. Никак не тянет девочка.

– Но в нашей семье все знающие специалисты и научные работники. В безусловном контакте со школой мы могли бы попытаться исправить положение.

– Допустим... Но... во-вторых! Как быть с ее ужасающим поведением?

– Гм... Мы изыщем средства принудить ее к порядку!

– Сомнительно, но предположим...

– Неужели два таких мощных социальных института, как школа и семья, не способны принудить подростка? – фальшиво воскликнул я.

– Предположим, способны... Но есть еще одно препятствие, – сурово сказала Ледокол. – Обследование.

– Что такое? – заинтересовался я.

– Гинекологическое обследование. Мы специально пригласили в школу доктора обследовать наших учениц. А Жанна категорически отказывается. Вы понимаете, что это значит?

– Видите ли, степенно начал я, – я сам специалист-гинеколог... Но я не понимаю, что это значит и для чего вообще понадобилось обследование.

– Вы – гинеколог?... – Ледокол сразу обмякла, и ее глаза, до того тусклые, как-то слащаво, странно заблестели.

– Вы хотите, чтобы я вас обследовал?

– Что вы, доктор! – Она даже подскочила, как будто я вознамерился сделать это немедленно, и впила глазами в мои руки.

– Тогда вернемся к Жанне, – предложил я.

– Таков у нас порядок, доктор. Мы обязаны контролировать ситуацию. Мы должны знать, кого оставляем в девятом классе. Мы хотим нести ответственность только за порядочных девочек!

– Вы хотите сказать, что если имеет место факт дефлорации, ученице не место в школе?

– Как вы сказали? Факт... де... что? Я объяснил.

– Не совсем так, доктор, – заюлила Ледокол. – Но из трех «восьмых» классов мы должны сделать один «девятый»... И лучше, если девочки, так сказать, с ранним развитием выберут ПТУ. Согласитесь, так будет лучше и для них, и для школы.

– Педагогика – не моя специальность, – уклончиво пробормотал я, делая руками плавные жесты, которые, как я заметил, имели на Ледокол завораживающее действие.

Она с большим трудом стряхнула с себя оцепенение и, собравшись с духом, заявила:

– Так что, боюсь, ваша сестра из тех девочек, для которых будет лучше, если они поскорее встанут на ноги, овладеют общественно полезной профессией...

– Она должна осознать в себе любовь к труду, – вставил молчавший до этого пожилой учитель.

– Но она еще совсем ребенок! – сказал я.

– О, доктор, вы как близкий человек можете и не замечать того, что очевидно для нас, учителей, – сказала Ледокол. – А мой долг как классного руководителя – принять все меры.

В конце концов сошлись на том, чтобы на время оставить вопрос открытым. Ледокол согласилась подождать неделю, пока мы провентилируем вопрос в семье, но потом пообещала непременно вынести его на педсовет при участии родителей.

– Честное слово, она хотела, чтобы ты ее осмотрел! – захлопала в ладоши Жанка, когда я сообщил ей подробности визита. – Ну что, поцеловать тебя благодарно? – проказливо поинтересовалась она, когда мы вышли из школьного двора. – Нет?... Ну как хочешь!..

Мы шли по району старой застройки Сокольников мимо приземистых, оштукатуренных домов с низкими арками и пожарными лестницами. Ветер сдувал с крыш сухой снег, который клубился как пыль.

– До свидания? – спросила Жанка.

– Э, нет! – неожиданно для себя возразил я. – Раз уж я взялся за твоё воспитание... У нас еще сегодня в программе электричество!

Мы вошли в теплое парадное.

– Слушай, – сказал я, – почему бы тебе все-таки не пройти это дурацкое обследование? – Мне вдруг припомнился особый интерес Сэшеа к этому вопросу.

– Слушай, – разозлилась Жанка, – а может быть, ты сам меня обследуешь, раз уж назвался гинекологом? Обследуешь и справку выдашь, а?

Лифт медленно тащился на последний, шестой этаж.

– Ладно, – прикрикнул я на нее, – родителям будешь истерики устраивать!

Я снял шапку. Снежинки успели превратиться в капли, и я стряхнул их на пол. Жанка достала ключ от квартиры. За дверью послышалось мяуканье кота Антона. Когда мы вошли, кот бросился нам под ноги.

– Что, разве никого нет дома? – сказал я.

– Мы вдвоем, – сказала Жанка.

Я с удовольствием прошелся по пустой квартире. Эта квартира в Сокольниках всегда казалась мне особенно уютной. Обстановка полюбилась мне еще с тех пор, когда мы с Лорой жили здесь в свой «медовый месяц», вернее, несколько месяцев, пока маман не пробила нам кооператив. В квартире всегда было жарко, и по коврам ходили босиком. Мебель старинная, красного дерева, и Игорь Евгеньевич заботливо натирал ее воском. Библиотека богатая, но к книжным полкам специально для гостей присобачена табличка: *«У нас не принято просить из дома книги выносить!»*

Жанка быстро переделалась в синие шорты и зеленую футболку с белым трафаретом «LOVE» на груди. Она устроилась с ногами на диване, а я сел за ее письменный стол, покрытый стеклом, под которым теснились рекламные вырезки – сплошь красотки и красавцы.

– Антон! – позвала Жанка, и кот тут же оказался на диване; он потянулся и лизнул ее в голую, необычного, смуглого, цвета топленого молока коленку. – Фу, Антон! – взвизгнула Жанка. – Щекотно!..

«Все коты будут сходить с ума уже от одного цвета ее кожи!» – так говорила Лора о своей младшей сестре.

Я придвинул к столу второй стул и с серьезным видом кивнул на него Жанке.

– На диване удобнее, – ответила она сквозь смех, таская Антона за шкурку. – Ты помнишь, вы с Лорой на нем спали после свадьбы? А теперь я на нем сплю... На вас было очень забавно смотреть со стороны. Помнишь, как маман все ворчала на вас за то, что вы запирались в ванной мыться вместе?

– Итак, – прервал я Жанку, – электричество...

Отыскав на столе учебник физики, я пересел на большой, с прекрасной плюшевой обивкой диван.

– Скучно, – вздохнула Жанка.

– Это сначала. А потом так увлечешься – тебя за уши не оттащишь.

– Скучно!

– А я физику в школе всегда любил.

– Тяжелый случай.

Я не спорил с Жанкой. Я тоже учился в школе. Электричество – это еще ничего. Формула мыла – вот необходимейшая вещь. Я решил зайти с другой стороны.

– Пойми, – сказал я, – потом все равно придется это зубрить.

– Не придется, – возразила Жанка. – Я не пойду в девятый класс, и электричество твое мне не понадобится.

– Что же ты будешь делать? – Пойду в стюардессы.

– А потом?

– Выйду замуж за дипломата и уеду за границу.

– Дерзко задумано, – похвалил я.

– И не нужно меня убеждать, что жизнь на Родине со знаниями об электричестве гораздо привлекательнее, чем на чужбине, хотя бы и в качестве жены дипломата!

– Не собираюсь этого делать. Какое может быть сравнение?! Только я не думаю, чтобы дипломаты любили малограмотных.

– Не смейся! Вот уж не поверю, что мужчине понадобятся мои познания в электричестве! Не так уж это важно! – усмехнулась она.

– Мужчине все важно, – наставительно сказал я, а сам подумал: боже какой бред я несу...

– Но только не электричество! – весело засмеялась Жанка.

– Черт с ним, с электричеством, если ты такая умная, – сдался я. – Я и сам не знаю, что мужчине важно...

– А я знаю! – заявила Жанка.

– Ну знаешь – и хорошо. И помалкивай.

– А я с тобой и не собиралась об этом говорить, – насмешливо сказал; она. – О таких вещах я только с сестрой говорю. У нас с ней нет друг от друга секретов.

– Ладно, ты лучше скажи прямо: может, нам закончить с нашими занятиями, раз уж ты успела определиться в своем жизненном пути? Я вент, тебе не погонщик!

– Нет, что ты! Если мы не будем заниматься, родители меня съедят.

– Что же ты хочешь?

– Ты, главное, делай вид, что занимаешься со мной. Они тогда отстанут от меня, а на тройку я как-нибудь и сама вытяну.

– Думаешь, мне больше делать нечего?

– А что такого особенного ты делаешь? Может, тебе неприятно со мной общаться? Тебе на меня времени жалко?.. Но я тоже могу быть тебе полезной.

– То есть?

Жанка обняла кота и уткнулась носом в его шерсть.

– Ух ты, мой хороший котик! Мой мягонький котик! Всё мы видим. Всё мы знаем! – ворковала она, тиская его. – И много интересного можем рассказать!..

– А ты, оказывается, просто маленькая интриганка, – сказал я.

– Ничего подобного. Просто я тебе симпатизирую.

– Приятно слышать.

– Вот, например, ты знаешь, что будет сегодня вечером? – спросил Жанка.

– Не знаю, – признался я.

– Как же так? Неужели тебя даже не предупредили? Не может быть! Хотя зачем тебя предупреждать? Тебя как раз *не нужно* предупреждать

– Вот сейчас сниму с тебя твои замечательные шорты и выпорю! – пообещал я.

– На! Пожалуйста! – с готовностью воскликнула она. – Я даже могу сама снять!

– Кривлянье тебя совсем не украшает, – нахмурился я и посмотрел на часы.

– Сегодня вечером Лора приведет к нам Валерия, – сказала Жанка. По случаю знакомства будет маленький семейный праздник. Маман заранее в него влюблена.

– Ай да маман.

– Она очень надеется, что сегодня, может быть, Валерий внесет определенность в свои отношения с Лорой... Ну, слышал ты об этом? Что скажешь?

– Что тебе сказать? – пробормотал я. – Если бы меня и предупредил я бы, наверное, Лору не зарезал, да и сам не стал бы стреляться...

Я не то чтобы разозлился, но растерянность, которую я вдруг ощутил была стократ гаже.

– Да, вполне могли бы и предупредить... – сказал я.

– Зачем же раньше времени! Сначала они хотят, чтобы была определенность, – объяснила Жанка. – Если развод, так чтобы – из рук в руки.

– Наверно, я действительно не понимаю женской психологии. Лора мекала на что-то в этом роде, но...

– А маман никогда не считала тебя достойной кандидатурой. Ты не деловой. Бесперспективный. У тебя маленькая голова. Как психиатр она считает, что люди с маленькими головами бесперспективны...

– У нее, кстати, тоже маленькая голова.

Мы сидели рядом, очень близко друг к другу. Хлопнула входная дверь.

– Жанна, девочка! Кто это у нас? – послышался из прихожей голос маман. Легка на помине! Можно подумать, она не узнала моей куртки!

– Не мешай, – крикнула Жанка, – мы занимаемся! Маман вошла в комнату.

– Мы изучаем законы электричества, – сказал я.

– У вас только полчаса, – предупредила маман. – Потом, Жанна, ты будешь мне нужна. – Она подошла к дочери и забрала у нее кота, перебирающего лапами и цепляющегося когтями за Жанкину футболку. – Не отвлекайся! – Маман вышла.

Жанка многозначительно посмотрела на меня.

– Что будешь делать? – спросила она, имея в виду «маленький семейный праздник».

– Ничего, – буркнул я.

– А ты Лоре – изменяешь? – полюбопытствовала неугомонная Жанка.

– А это не твоего ума дело.

– Еще скажи, что мне не мешает подрасти!

– Именно.

– А ты знаешь, как на меня мужики на улице заглядываются? Некоторые очень даже настойчиво предлагают пойти в ресторан или приглашают покататься на машине.

– Поздравляю... Только смотри, чтобы после этих прогулок твоему дипломату что-нибудь осталось!

– А что – убу-у-дет?

– Или прибу-у-дет!..

– Значит, ты не советуешь попробовать?

– А ты спрашиваешь моего совета?

Так мы с Жанкой перебрасывались «шуточками», но я по-прежнему чувствовал сильную растерянность.

Раздался телефонный звонок. Жанка сняла трубку.

– Тебя... – сказала она.

– Лора? – спросил я, но с удивлением и неожиданной радостью услышал в трубке голос Кома.

– Как дела? – спросил он. – Встретимся?

– Конечно! Ты меня очень кстати разыскал! А ты где? Откуда говоришь?

– Из библиотеки.

– Какой еще библиотеки?

– Имени Некрасова. На Пушкинской. Я здесь занимаюсь.

– Занимаешься?... Ладно, потом расскажешь... Сейчас выезжаю...

– Во сколько, говоришь, намечается ужин с другом семьи? – спросил я Жанку, положив трубку.

В голове у меня уже созрел приблизительный план действий.

Ком ждал меня в метро у последнего вагона. В своей выцветшей армейской панаме, он стоял, заложив руки за спину и широко расставив ноги. За отворот его шинели были засунуты две толстые тетради.

– Так чем ты там занимаешься в библиотеке? – поинтересовался я, пожимая ему руку.

– Изучаю классиков. Ленина, Маркса, Энгельса.

– Молодец... – недоуменно пробормотал я. – А зачем это тебе нужно? – Чтобы правильно жить, – просто ответил Ком.

Его черные глаза смотрели так серьезно, что я не стал острить или переспрашивать.

– Стало быть, на тебя можно положиться, – сказал я с такой же серьезностью. – Сейчас мы с тобой поедem в одно место. В гости. Может, придется дать одному другу по роже.

– Поехали, – без тени удивления и возражения молвил Ком.

Приехав в Сокольники, мы заняли позицию в подъезде на втором этаже у окна. Я был увлечен своими мыслями и молчал, а Ком не задал не только ни одного вопроса, а вообще не сказал ни слова.

Наконец из арки во двор въехали белые «Жигули», которыми, как я заметил, Игорь Евгеньевич разрешал пользоваться дочери что-то уж очень охотно.

– Да, – вдруг твердо выговорил Ком, взглянув на Лориного спутника, – это враг!

– Ты думаешь? – удивился я.

С Лорой был довольно здоровый, лет тридцати, парень, одетый вполне стандартно: дубленка, пестрый мохеровый шарф, пыжиковая шапка. Когда они шли к подъезду, парень не нагнул – не хватал Лору за талию, не обнимал за плечи. Нормальный такой парень. В руке он нес объемистую и очевидно тяжелую спортивную сумку. «Хоккеист?» – почему-то подумал я. Мы с Комом спустились на первый этаж.

Они вошли в парадное, и по подъезду сразу разнесся жизнерадостный голос «друга семьи»:

– Что, мужики, на какой этаж едем?

На секунду Лора остановилась, пристально засмотревшись на Кома, а потом, кивнув на меня Валерию, сказала:

– Полюбуйся, вот это – мой муж.

– Нормальный муж, – сказал Валерий, подмигивая мне.

– Ну, чем порадуешь, муж? – спросила меня Лора. – Кто это с тобой? Зачем вы здесь?

– Ей-богу, они пришли мне по роже дать! – бодро воскликнул Валерий и, расставив ноги, шутливо забоксировал свободной левой рукой. – Мне, твоему старому, доброму товарищу – по роже!

– Ты что – с ума сошел? – спросила меня Лора.

– Ей-богу, была такая мысль, – признался я, засмеявшись, и ничего не оставалось, как пожать «другу семьи» руку и познакомить его и Лору с Комом.

(Впрочем, я не чувствовал к Валерию абсолютно никакой враждебности.)

Мы вошли в лифт. Валерий снял свой «пыжик» одновременно со мной и, между прочим, тоже обнаружил раннюю плешь.

Маман встретила нас в шуршащем шелковом халате с пальмами и котом Антоном на руках. Она недоуменно взглянула на Лору.

– Принимай гостей, – сказала та.

– Милости просим, – проворчала маман. Кот у нее на руках вдруг изогнулся и заорал.

– Антон, деточка, что с тобой? – воскликнула она.

На меня словно пахнуло ветром. Это рядом со мной напрягся, напряжился Ком.

– Скорее на кухню! – заторопила Лора. – Посмотрим, что за прелесть принес нам Валерий!

Заинтригованные, все собрались на кухне. Из своей спортивной сумки Валерий извлек что-то упакованное в целлофан и бумагу. Когда упаковка была удалена, на стол под восхищенные взгляды присутствующих были вывалены два огромных, килограммов по пять, куса первоклассного мяса – свежайшей, еще теплой, парной плоти с чудно-рубиновым сиянием изнутри и стрелками нежно-перламутровых прожилок.

– Прелесть!

– Очарование!

– Фантастика!

Кот, как пьяный, ходил вокруг стола, слизывая падающие на пол капли.

– Мы столько слышали о вас от Лоры, что вы нам стали как родной! – сразу же заявила маман Валерию.

– Вам давно уже следовало у нас побывать! – с укором добавил Игорь Евгеньевич.

Из части мяса тут же было решено приготовить бифштексы «с кровью», и Валерий сам вызвался их вырезать. Что характерно, до и после этой процедуры он долго и тщательно отмывал руки.

Я отвел Лору в сторонку и, объяснив, что Ком потерял в Афганистане лучшего друга по имени Антон, попросил передать маман, чтобы та деликатно воздержалась сегодня называть кота этим именем. Однако, как только Лора выполнила мое поручение, маман, язва, демонстративно запричитала:

– Ах, Антошечку, деточку, забыли! Антошечка, деточка, тоже хочет мясца отведать!

Я взял Кома под руку и повел в комнату.

– Не обращай внимания, – уговаривал я его. – Она всю жизнь с сумасшедшими общается. У нее и голова маленькая, микроцефальная! Не волнуйся!

– Почему я должен волноваться? – сдержанно спросил Ком.

Взглянув на него, я подумал, что, может быть, я действительно ошибаюсь и он вовсе не нервничает. И все-таки я снова отозвал Лору.

– Я просила ее! – шепнула она. – Что я могу с ней сделать?!

– Твой друг такой *странный*, – шепнула мне Жанка.

Маман и Валерий вместе жарили мясо, и маман, любившая говорить о себе: «В сорок пять – баба ягодка опять», всю кокетничала с ним, и у них моментально появились какие-то свои «тайны», они сошлись мгновенно. Многозначительно переглядывались друг с другом.

Когда садились за стол, маман со вздохом посетовала:

– У нашего Антошки последнее время частые запоры. Боюсь, сегодня не удастся показать гостям наш коронный номер...

Мы разлили по рюмкам водку. Валерий поднялся с тостом.

– Сегодня знаменательный день, – сказал он. – Исполнился ровно месяц с тех пор, как я пережил свое второе рождение. Им я обязан нашей дорогой Лоре и вправе считать ее теперь своей крестной мамой. Позвольте предложить выпить за ее драгоценное здоровье, за ее отважное и щедрое сердце. Побольше бы нам таких женщин!..

– Горько! – вставила Жанка.

– Завидую тебе, старик, ты уж меня извини, – сказал мне Валерий.

Я ответил ему международным знаком «Рот фронт», а он наклонился и поцеловал Лоре руку.

Мясо было превосходно. Каждый пережевывал и наслаждался. Один лишь Ком жевал чисто механически, не ощущая, кажется, никаких вкусовых нюансов.

– Вам не нравится? – со скрытым раздражением спросила его мам

– Нравится, – ответил он.

– Человек служил в Афганистане, – сказала Лора.

– Вы убивали людей? – поинтересовалась Жанка.

– Конечно, убивал, – ответил за Кома Валерий. – А что такое, по-твоему, война?

– Пусть расскажет, – сказала Жанка.

– Отстань от него, – вмешался я. – Он дал подписку ничего не рассказывать. Если интересуешься, читай газеты.

– Насмешил, старик! – засмеялся Валерий. – Ты бы еще посоветовал программу «Время» смотреть!.. Никогда ничего не знали, и не узнаем!.. Я вот слышал, что уже цинка на гробы не хватает. Посылают родителям клочок волос – и на том спасибо!

– Варварство какое! – сказал Игорь Евгеньевич. – «Ограниченный контингент»! И нужно было, спрашивается, нам ввязываться?! Своих забот мало!

– Интернациональный долг! – сказал я.

– Да-да! – усмехнулась маман. – Вот он – теперь сидит, выполнил долг. Даже не чувствует, что жует!.. По своей воле кто бы пошел?!

– Я – по своей воле, – сказал Ком.

– Извините. Вы, значит, личность экстраординарная. Впрочем, это сразу видно... Скажите, а вам не холодно зимой в вашем экстравагантном головном уборе? Как врач должна предупредить, что это очень вредно для головы. Голову нужно беречь.

– Нет, мне не холодно.

– Какие у него черные глаза! – шепнула мне Жанка. – Лора говорила, что люди с черными глазами обладают гипнотизерскими способностями...

Наконец маман отстала от Кома, и я облегченно вздохнул.

– Как вам у нас нравится? – обратилась она к Валерию.

– Очень нравится. Я сразу почувствовал себя, как в родной семье. Уютная квартира. Не понимаю, как Лора могла вас покинуть!

– Так я для Лоры с этим, с мужем, пробила кооператив. Игорю Евгеньевичу как кандидату наук положена дополнительная площадь... Мы, знаете ли, решили внести сразу все деньги, чтобы Лора чувствовала себя уверено и независимо... Свекровь, конечно, тоже дала сколько-то там, но на те деньги они купили что-то из мебели, и то так – по мелочам... А ведь мы, знаете ли, еще и дачу обустраиваем...

– А по какому направлению?

– По северному. Но место очень, очень хорошее. Игорь Евгеньевич на работе получил.

– Что вы?! Мне как раз очень милы те места. И сейчас передо мной тоже встал дачный вопрос. Я как раз собирался начать подыскивать что-нибудь подходящее. Кстати, нет ли у вас желающих продать участок?

– Это теперь сложно, – покачала головой маман. – Люди понахватали участков, еле тянут с освоением, а продать вряд ли кто-нибудь согласится! Вот хотя бы взять наших соседей. Он – работает инженером в лаборатории у мужа, Зарплата небольшая, построил какой-то сарай – смотреть тошно, – вечно опаздывает со взносами на освоение, а спросите у него продать – не захочет. Засадил весь участок картошкой – и счастлив!

– Я вашим соседям хорошие деньги заплачу. Пусть на рынке картошку покупают и на такси катаются. Я с ними сумею договориться, если, конечно, вы согласны принять меня соседом...

– Господи, это было бы прекрасно! – загорелась маман. – Мы бы жили как родные!

– Можно было бы даже и забор снести! – добавил Валерий.

– Мы так и сделаем! – обрадовалась маман.

– У тебя замечательный знакомый, – шепнул я Лоре.

– Ну если ты не в состоянии заводить полезные знакомства, то это, естественно, придется делать мне, – ответила она.

– А где вы работаете? – спросила Жанка Валерия.

– На чрезвычайно ответственном фронте, девочка, – ответил тот, с нежностью глядя на нее. – Я, можно сказать, обеспечиваю выполнение Продовольственной программы. Я всегда мечтал устроиться куда-нибудь поближе к продовольствию. Мечтал об этом, даже когда начинал на ударных стройках, несмотря на весь свой энтузиазм. Чтобы оно, продовольствие, было у меня вот тут, под рукой.

Игорь Евгеньевич тронул меня за локоть.

– А ты как – еще не определился с работой?

– А что?

– Тог наш разговор... Время подходит. Ты помнишь мое главное условие? «Плевать я хотел на все твои условия», – подумал я.

– Чтобы вы были довольны моим поведением?

– Да. И хочу предупредить тебя, что пока не могу сказать, что доволен тобой. Скорее, недоволен. Ты знаешь, я много могу для тебя сделать, но я должен чувствовать, что у вас с Лорой надежные отношения. А у вас нет взаимопонимания...

«Плевать я хотел на то, что ты можешь для меня сделать», – подумал я и сказал:

– Лора призналась мне однажды, что как только видит нового мужчину, у нее появляется единственная мысль – можно ли с ним переспать.

– А что ты думаешь, когда видишь новую женщину? – строго спросил Игорь Евгеньевич.

– Правда, меня иногда смущают мои мысли, – признался я.

– Что касается работы, – сказал мне Валерий, – если ты еще не определился, могу тебе помочь. Будешь доволен.

– А на каких условиях? Что от меня потребуется?

– Абсолютно ничего! Я просто сделаю это для тебя – и всё!

– Обратите внимание на нашего Антона! – вдруг воскликнула маман, поднимаясь из-за стола. – Это он *просится*!

Все посмотрели на кота, который стоял на задних лапах, а передними царапал дверь в туалет.

– Итак, – объявила маман, – начинаем наше представление! Наше варьете! Театр одного кота! Антон Антонович Антониони! Самый воспитанный кот нашего времени! Просим публику занять свои места и соблюдать тишину, чтобы не мешать маэстро сосредоточиться!

Все столпились перед дверью в туалет. Кот неторопливо прошелся перед унитазом, как бы примериваясь, и, упруго подобрившись, вскочил на сиденье. Несколько секунд балансировал на краю, загнув хвост трубой, а потом, раскорячившись, ловко устроился над самой воронкой. Зафиксировавшись в таком положении, он поднял морду и обвел зрителей серьезным и даже строгим взглядом.

От этого взгляда Валерий первым захохотал, согнувшись пополам, как будто ему выстрелили в живот. Следом за ним зашлись хохотом остальные.

– Антон!..

– Антончик!..

– Антошкин!..

– Антониус!..

– Антонишвили!.. – на все лады подбадривали кота, который тужился, наморщив лоб и неодобрительно поглядывая на нас.

Наконец кот закончил свои дела, прыгнул на пол и невозмутимо занялся умыванием, а мы, вытирая выступившие от хохота слезы, отправились продолжать ужин.

Один лишь Ком ни разу не улыбнулся, и вообще на его лице не отразилось никаких эмоций.

– Конечно, идиотизм ужасный! – шепнул я ему, как будто оправдываясь. Он ничего не ответил. Я взглянул ему в глаза, но вместо глаз увидел две черные дыры.

После ужина наши с Валерием взоры одновременно упали на шахматную коробку.

– Играешь? – спросил Валерий. – Может, напряжем наши лысые?

– Давай, – согласился я, – расставим.

Я любил шахматы; на работе я к ним здорово пристрастился и играл далеко не хуже других, «обуывая» самого Фюрера, а он считался у нас сильным игроком.

– У меня первый разряд, – честно предупредил Валерий.

– Поборемся.

– Играем как – «железный» закон: взялся – ходи?

– Само собой.

Мы сделали несколько первых ходов.

– Слабовато, – сказал Валерий разочарованно и забрал у меня первую пешку.

Я быстро понял, что шансов у меня никаких.

– Слабовато, – непременно повторял он, отбирая у меня одну фигуру за другой и выстраивая их в аккуратный ряд около доски.

Я потерял ферзя, но почему-то ни за что не хотел сдаваться, продолжал игру, пускаясь в какие-то отчаянные авантюры и подолгу задумываясь над ходами. А Валерий как будто не торопился давать мне мат. Мой король позорно метался по открытому пространству, а Валерий спокойно ставил второго ферзя.

– Да, слабовато, – вторил Валерию наблюдавший за игрой Игорь Евгеньевич.

Лора и Жанка о чем-то шептались, устроившись на диване.

– Анто-он! Куда ты подевался? – доносился до меня гнусный голос маман.

Я и сам не понимал, почему никак не покончу с этой бессмыслицей, которую и игрой-то нельзя было назвать.

– А король-то голый! – констатировал Игорь Евгеньевич.

– Анто-он! Анто-он! Где ты, деточка? Кис-кис-кис!

Я отступил королем на единственную возможную клетку.

– Ну вот, – натянуто улыбаясь, пошутил я, – *бешеный* король!

Из коридора раздался вопль маман:

– АНТО-О-ОН!!!

Когда мы выбежали в коридор, то увидели, что дверь в туалет распахнута, а маман стоит на коленях перед унитазом, в котором покоится мертвый кот со вздувшимися на мордочке яркими кровавыми пузырями.

Завизжала Жанка. Игорь Евгеньевич и Лора бросились поднимать маман.

– Дела!.. – пробормотал Валерий.

Некоторое время мы оцепенело смотрели друг на друга.

– Как же ОН должен был нас всех возненавидеть! – вдруг прошептала Жанка.

Только теперь мы заметили, что среди нас нет Кома. Никто не видел, как он исчез из квартиры.

– Он – маньяк! – сказала Лора.

– Да почему вы решили, что это он сделал? – воскликнул я, сам ощущая нелепость своего вопроса.

– Ты кого к нам привел?! – набросилась на меня маман. – Я сразу поняла, что это за товарищ!

– Вы тоже хороши, – возразил я. – Я вас предупреждал, что у него убили лучшего друга по имени Антон, а вы...

– Может, он контуженный? – предположил Валерий.

– Одно ясно, – сказала Лора, – он опасен для окружающих. Его необходимо как можно скорее изолировать и лечить.

– Фашист! – вмешалась маман. – Таких не лечить, а расстреливать надо!

– Но ты сама его довела! – сказала Жанка.
– Вызвать милицию! – воскликнул Игорь Евгеньевич.
– Если честно, маман, – сказала Лора, – Жанка права. Ты ведь прекрасно понимала, как легко спровоцировать у него взрыв накопившихся аффективных переживаний...
– Не умничай! – огрызнулась маман. – Если бы я знала, я бы вызвал дежурную бригаду.
– Где он живет? Мы его упечем! – горячился Игорь Евгеньевич. – Я звоню в милицию.
– Он, конечно, псих, – рассудительно сказал Валерий, – но они ему все равно ничего не сделают, а вот вы точно хлопот не оберетесь.
– Да уж, – кивнула Лора, – не очень-то красиво мы будем выглядеть в этом деле.
– Делайте что хотите!
Маман махнула на нас рукой и, разгневанная, удалилась в свою комнату. Следом ушел Игорь Евгеньевич.

Валерий поднял над унитазом мертвого кота и сказал Жанке:
– Ну-ка, принеси во что его завернуть.... И мою сумку.
Он ловко упаковал кота, мгновенно обернув газетами, запихнул в сумку, а потом долго мыл руки.
– Крутой у тебя приятель, – сказал он мне. – Но его, в общем, тоже можно понять.
За эти слова я его просто зауважал, забыв и думать о моем шахматном унижении.
– Теперь нужно решить, кто займется выносом тела, – продолжал Валерий. – Бросим жребий?

– Не надо. Я вынесу, – сказал я.
– И я с тобой, – сказала Жанка и побежала накинуть шубку.
Мы вышли во двор к мусорным бакам. Я выбрал бак, заполненный до половины, и вытряс из сумки упакованного кота. С глухим стуком шмякнувшись о стенку бака, сверток исчез в грудe мусора. Я поставил сумку на снег и достал спички. Я бросал в бак зажженные спички, пока в мусоре не загорелась бумага. Потом, отойдя на несколько шагов, перекрестил бак.
Мы вернулись в подъезд и зашли в лифт. Я нажал кнопку, и кабина поползла на последний, шестой этаж. Шуба на Жанке была расстегнута, и с футболки на меня смотрели белые буквы трафарета «LOVE», любовь.

– Ну, – сказала Жанка, – поцелуй меня сам!
И как-то мгновенно, не раздумывая, я шагнул к ней и поцеловал в губы. Я приник ртом к прохладному, гладкому яблоку, а кабина тащила нас высоко вверх.
– Хватит! – взмолилось яблоко. – Мне страшно!
Кабина стояла на шестом этаже. Я открыл дверь лифта и, сунув Жанке в руки пустую сумку, сказал, что к ним сейчас не пойду. Пусть передаст Лоре, что я поехал домой.
Я вышел из подъезда. Из мусорного бака валил медленный серый дым, зловонный, как всегда, когда горит помойка.

Приехав домой, я обнаружил в почтовом ящике записку от моего друга Сэшеа.

«Я ВСЕ-ТАКИ УШЕЛ ОТ ЖЕНЫ, И НА ЭТОТ РАЗ ОКОНЧАТЕЛЬНО, – писал он. – НЕ НУЖНО РЖАТЬ! Я НЕ ТАКОЕ НИЧТОЖЕСТВО, КАК ТЫ ДУМАЕШЬ. НЕ ЖЕЛАЮ ПРЯТАТЬСЯ НИ ПОД КАКОЙ МАСКОЙ, НЕ ТО, ЧТО НЕКОТОРЫЕ.

Я ТЕБЯ ИСКАЛ. ЗВОНИЛ В СОКОЛЬНИКИ. ЖАНКА СКАЗАЛА, ЧТО ТЫ УЕХАЛ С ДРУГОМ. С КОМОМ? (КСТАТИ, ОН ЗВОНИЛ НА РАБОТУ, КОГДА ТЫ СЛИНЯЛ. Я ДАЛ ЕМУ ТЕЛЕФОН ТВОЙ И СОКОЛЬНИКОВ.)

ЖАНКА СКАЗАЛА, ЧТО ТЫ ЕЕ ВОСПИТЫВАЛ (???) КАК ДРУГА ПРОШУ, БОЛЬШЕ НЕ СМЕЙ! У МЕНЯ НАСЧЕТ НЕЕ БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ, ТЫ ЗНАЕШЬ.

*Р.С. БЫЛ В 22.10 С БУТЫЛКОЙ ВОДКИ. ЧАСТЬ ВЫПИЛ.
Я».*

Потом позвонила Лора и предупредила, что останется ночевать в Сокольниках. Я поблагодарил за предупреждение. У меня тут же возникла мысль перезвонить проверить, действительно ли она там. Но вместо этого я пошел в ванную и пустил воду.

Я сидел на краю ванны, рассматривая себя в зеркале, когда телефон зазвонил снова. Я улыбнулся, подумав, что теперь, возможно, Лора проверяет меня, и решил не брать трубку. Я залез в ванну. Звонки прекратились. В замкнутом пространстве кафеля и зеркал плеск воды походил на хруст фольги.

– Са-са-сардинел-ла! – сказал я гундосо, как в банку.

Через полчаса, сонный, я выволок из ванны свое налившееся тяжестью тело, обтерся широким, как простыня, полотенцем и рухнул в постель. Телефон зазвонил в третий раз, и я снял трубку.

– Спокойной ночи! – прошептала Жанка, и в трубке раздались короткие гудки.

Засыпая, я был уверен, что завтра увижу ее вновь.

Удивительно, что и на следующий день я проснулся с этой уверенностью. Ощущение было таким славным, что я не заметил, как снова заснул, и опоздал на работу.

– Готов искупить кровью, – сказал я Фюреру, входя в лабораторию.

– Тогда поступаешь в распоряжение Оленьки, – усмехнулся тот. – Пусть она решает, что с тобой делать.

Обреченно вздохнув, я уселся рядом с зардевшейся от счастья Оленькой, которая уже приготовила бумаги и принялась объяснять мне нашу совместную работу. Я добросовестно вникал минут десять, но потом стал клевать носом.

– Ты устал? – спросила Оленька.

– Извини, – встрепенулся я и положил под столом руку на ее колено.

– Я сама все сделаю! – сказала Оленька.

– Что ты!

– Да здесь не так уж и много, только... – прошептала она, – ты побудь со мной еще минутку, не уходи!

– Знаешь, – вдруг сказал я ей, – я наверно буду разводиться с женой.

Сэшеа дожидался меня в нашей излюбленной нише на лестнице черт хода.

– Меня бы Фюрер замучил до смерти за такое опоздание! – первым делом сказал он мне.

– И правильно бы сделал, – согласился я.

– Ладно, ладно! Видел я, как ты массируешь Оленьке коленку под столом. Оленька тебе еще не надоела? Все-таки уродина... Я бы ее даже поцеловать не смог.

– Что ты, она так замечательно компенсирует свою ущербную внешность, что еще не скоро надоеет! – сказал я таким проникновенным тоном, что у легковозбудимого Сэшеа сразу испортилось настроение.

– Видишь, как трудно хранить верность жене, – мстительно начал собравшись с духом. – Все дело в том, что нет большого чувства. Сначала я думал, что мужчина так устроен: вечно косит налево. Но теперь понял, что предательства в семье никогда не будет, если есть большое чувство. Поэтому я считаю, честнее сразу порвать, чем юлить.

Его намек был прозрачен, но я не был склонен продолжать обмен колкостями и рассказал ему о вчерашнем происшествии в Сокольниках невероятной выходке Кома. К моему удивлению, Сэшеа отреагировал вес! равнодушно.

– Надо же, – сказал он, – а раньше Ком и мухи не обидел бы.

– Да ты только вообрази, что у него в душе творится! Сначала все следил за мной, а теперь вот кота придушил!

– Война еще никого не делала лучше и добрее, – философски заметил Сэшеа. – Вспомни, какими возвращались американцы из Вьетнама.

– Причем здесь американцы!.. Я тебе толкую о том, что его нельзя бросать одного в таком состоянии! Мы должны что-нибудь придумать. Может быть, его попробовать женить? Его нужно как-то отвлечь. Это наша обязанность...

– А как ОНА? – перебил меня Сэшеа.

– Кто? – не понял я.

– Жанка!.. Она говорила что-нибудь обо мне? Спрашивала что-нибудь?

– Что это ей о тебе спрашивать?! Ничего она не спрашивала!

– Странно, – задумчиво рассуждал Сэшеа. – Хотя, может быть, это как раз хороший признак. Не говорила, не спрашивала, значит, это обретает для нее особую ценность!..

– Ты о чем? – начал раздражаться я.

– Да мы с ней вчера целый час болтали по телефону! Кажется, во мне дремлют большие педагогические способности. А что? Ты что-нибудь имеешь против?

– Что я могу иметь против? – пожалуй излишне горячо удивился я. – Опять ты со своей ерундой!

– В том-то и дело, что для меня это не ерунда! И ты мне должен честно сказать, нет ли у тебя самого насчет Жанки каких-нибудь мыслей!

– У меня есть одна мысль – насчет тебя! _

– Просто я не хочу, чтобы в этот раз у нас с тобой получилось, как с Оленькой... Нет, за Оленьку я на тебя не в обиде. Ты воспользовался, хотя знал, что я ее для себя готовил, что у меня первого возникла такая идея... Но, повторяю, я не в обиде. Только... все-таки как-то нехорошо это...

– Я, конечно, рад, что в некотором смысле ориентирую твою личную жизнь, что ты пользуешься моими идеями. Но должны же быть границы?.. Поэтому ответь со всей ответственностью: безразлична тебе Жанка или нет?

– Совсем не безразлична! – заявил я. – Как-никак – родной человек.

– Нет, я не о том. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

– Что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты мне помог!

– Я же не доктор, – усмехнулся я.

– Ты стал циничен. Ты остришь не к месту, – пристыдил меня Сэшеа. – Ты действительно можешь мне помочь. Я хочу, чтобы ты поговорил с Жанкиными родителями и сказал, что ты, дескать, не справляешься с занятиями с Жанкой и поэтому рекомендуешь меня вместо себя. Можешь вернуть, что я и в институте успевал лучше тебя... А дальше уж я сам... Сделаешь это для меня? – спросил он.

– Что-то здесь не то... – усомнился я.

– То! То! – убежденно воскликнул мой друг.

Я засмеялся.

– Что такое? – насторожился Сэшеа.

– А ведь и правда, получается, что пользуюсь твоими идеями, иду по твоим стопам. Я ведь тоже решил попробовать пожить отдельно от жены, хотя бы временно, и для этого думаю сегодня же навеститься к своим, разведать обстановку...

– Мне не жалко. Я рад, что ты воспользуешься моим опытом. Мне это стоило крови. А тебе после меня морально, конечно, будет легче!

– Значительно легче. Никакого сравнения, – согласился я.

– Слушай, – замялся Сэшеа, – насчет Жанки у меня к тебе еще один вопрос. Страшно важный!

– Спрашивай. Но только чтобы в последний раз.

– Даже не насчет самой Жанки, а вообще... Ваша семья, она как вообще?

– Вообще – что?

– Ну вообще... Я совсем не против определенного существования. Наоборот, я даже хотел бы приобщиться. И очень даже удачно, что Жанка... Я подумал, что это хороший вариант... И ты...

– Да не мямли, говори прямо.

– Как, по-твоему... В национальном, вернее, в интернациональном смысле...

– Всё! Пошли работать! – оборвал я его и, схватившись за свою маленькую голову, поспешил в лабораторию.

Сэшеа бежал следом и приговаривал.

– Я понял! Я понял!..

– Звонил какой-то твой знакомый, – сказала Оленька. – Просил передать, что ждет тебя в «Некрасовке».

– Больше ничего?

– Ничего.

После работы я отправился к родителям на «Пионерскую» в нашу смежную двухкомнатную «хрущеву».

Я плохо представлял, как поаккуратнее прозондировать вариант с обратным переселением. С родителями, которые, бывало, скандалили из-за того, каким манером выдавливать из тюбика зубную пасту, я как-то давно утратил взаимопонимание. Их собственная судьба, как говорится, не являлась для меня жизненным примером. Правда, и моя жизнь их не утешала.

Матушка, ожидавшая нечто особенное от моей учебы в институте, сильно разочаровалась, наблюдая мою студенческую безалаберность, посредственную учебу, никчемные увлечения музыкой, книжками, девчонками. Как это я так оплошал, черт его знает! Я и сам не понимал. Разгильдяйство есть разгильдяйство.

С отцом у меня еще со школы отношения сложились более чем прохладные – из-за моего глупого и жестокого поступка.

Сколько я себя помнил, отец мечтал купить машину и копил деньги с такой жалкой страстностью, как Акакий Акакиевич на шинель, он копил на «Запорожец». Подобострастно терся среди дворовых автолюбителей, мечта его была общеизвестна, и насмешки сыпались со всех сторон. Особенно изошрялись по поводу марки автомобиля, а отец, не замечая насмешек, на полном серьезе доказывал, что «Запорожец» обладает своими преимуществами и некоторыми узлами даже превосходит мировой уровень автомобилестроения – в частности, в чем-то даже лучше «Мерседеса». Будучи в особенно раннем, переходном возрасте, я так переживал из-за этих насмешек, что, когда покупка наконец состоялась и «позор семьи» занял свое место у нашего подъезда, я забрался на крышу дома и, подстрекаемый товарищами, метнул в нашего несчастного железного уродца тяжелый дворницкий лом, который, пробив капот, глубоко засел в моторе... Теперь, конечно, дело прошлое, но я иногда думаю: пусть бы себе ездил и радовался... Уж из такого он поколения – в чем угодно его можно убедить...

Я застал отца и матушку дома и сразу почувствовал, что сегодня нужный разговор затеять не удастся.

Когда я вошел, отец налаживал велосипед. Недавно он вышел на пенсию и по весне намеревался заняться велотуризмом. Он с любовью готовил велосипед к будущим походам. Он тщательно разобрал и собрал велосипедный звонок, и пока мы с матушкой беседовали, наверное, раз пятьдесят протрезвонил, испытывая качество звучания.

Мы с матушкой сидели в проходной комнате, в которой до моего переезда жили родители и которая теперь именовалась «гостиной», а маленькая задняя комната, принадлежавшая ранее мне, теперь именовалась соответственно «спальной». Родителей чрезвычайно радовала такая просторная терминология. С неожиданной грустью я отметил про себя, что они замечательно обжились без меня в своем «гнездышке».

Матушка протянула заранее приготовленный листок с очередным рецептом для укрепления волос. Потом поинтересовалась, как Игорь Евгеньевич, берет ли меня к себе. Я ответил, что сам еще не готов к такому счастью – быть подчиненным Игоря Евгеньевича.

– Не сделай глупость! – испугалась она. – Провалил дурака в институте, так хоть теперь возмись за ум. Пусть Игорь Евгеньевич поможет продвинуться, а потом на него наплюешь. Главное, хоть в небольшие начальники выбиться, все какая-то перспектива!

– Да ты посмотри, какие они все – начальники, – сказал я. – Одни хамы, грубияны, самодуры.

– Это верно.

– И ты хочешь, чтобы я стал таким же?

– Все-таки перспектива, – со вздохом повторила матушка.

Потом она говорила, что Лоре нужно наконец хорошенько подлечиться и рожать и я как мужчина должен, по ее мнению, на этом настоять. Я не возражал.

– А у вас какие новости? – спросил я.

– Вот в пятницу приглашены с отцом в гости. Помнишь, я тебе рассказывала о дедушкином друге? О дяде Иване... Представляешь, он все-таки разыскал нас после стольких лет! Говорит, что сохранил чувство благодарности к нашей семье и очень хотел бы что-то для нас сделать...

Я действительно кое-что слышал. О временах массового психоза доноительства и страха. О «врагах народа»... Когда вокруг дяди Ивана начала образовываться зловещая пустота, а сам он со дня на день ждал ареста, единственный, кто не побоялся навещать его, был мой дед... Я помнил, что-то рассказывалось о демонстративных чаепитиях у раскрытого окна на виду всей улицы, о кусте цветущей сирени под окном... А потом арест, лагеря. Потом реабилитация...

– А что он может для нас сделать? – спросил я.

– Понятия не имею. Но, может быть, у него какой-нибудь блат есть...

Матушка достала старые фотографии, сделанные еще до войны. В лицах людей было что-то такое, что делало их совершенно непохожими на моих современников. Меня это всегда удивляло, и в чем тут дело, я не понимал. Может быть, дело в глазах? Другое выражение глаз? В глазах предков – или страх, или предательство?.. Но у деда в молодости лицо всегда казалось мне вполне современным.

Па прощание матушка чмокнула меня в щеку и, как слесарю, сунула в карман трешку.

Я вышел от родителей с каким-то глупейшим ощущением «бездомности» (якобы раньше у меня был дом, а теперь – не стало). Вариант ухода по примеру Сэшеа мне явно не подходил. В ушах стоял звон отцовского велосипедного звонка.

Я вошел в телефонную будку и набрал номер Сокольников. Жанка сразу сняла трубку, словно ждала у телефона.

– У меня сложности с электричеством, а ты пропал! – лукаво молвила она. – Родители тобой недовольны!

– Еще какие новости?

– Валерий принес нам нового котенка. Очень милого. Маман сказала, что ты никогда бы не додумался до такого благородного поступка.

– Это попятно.

– Так как наша «программа»? – нетерпеливо спросила Жанка.

Весь вечер меня подмывало навеститься в «Некрасовку», повидать Кома.

– К вам мне сегодня что-то не хочется. Давай позанимаемся в библиотеке? – предложил я.

– В библиотеке? – удивилась Жанка.

– Библиотека способствует изучению законов электричества.

– Да-да! – вдруг обрадовалась Жанка. – Еще как *способствует*! Я и родителям так объясню!

Мы встретились на «Пушкинской».

– Эй, что это ты намазалась как проститутка? – недовольно покачал я головой.

– А ты общался с проститутками? – живо любопытствовала Жанка. – Они что – вызывают отвращение? А за что же им тогда деньги платят? А ты вообще платил женщинам деньги?

– Ну-ну, бессовестная!

– Куда пойдем? – спросила Жанка. – Сюда? – Она кивнула в сторону кафе «Лира».

– Нет, – ответил я, – туда!

– Что, правда – в библиотеку?! – разочарованно протянула Жанка. Я знала, что ты согласишься, и даже отказала одному хорошему человеку, который обещал повести меня, куда я только захочу, а ты – в библиотеку! «Сэшеа, – подумал я. – Приобщается, идиот!»

– А что ты скажешь, если мы повидаем того, кого ты вчера так защищала – спросил я.

– Кого?

– Кома.

– Нет, не хочу! – испугалась Жанка. – Он страшный. И садист. Он нас ненавидит. И ты с ним не встречайся! Как ты вообще можешь встречаться с ним после вчерашнего?!

– Он не страшный. И не садист. Просто нервный, несчастный, одинокий. Мы с ним дружили в институте. Ему нужно помочь!

– Как же мы ему поможем?

– А вот пойдем, поговорим с ним как ни в чем не бывало. Покажем, что он не одинок. Что у него есть друзья.

Я уговорил Жанку, и мы вошли в библиотеку. Мы разделись в гардеробе на один номерок. На Жанке были джинсы в обтяжку, заправленные в высокие сапоги, просторная, распахнутая кофта, под которой виднелась все та же футболка с трафаретом. На губах у меня вдруг ожил вчерашний поцелуй. «Боже мой, ей же всего четырнадцать лет, – ужаснулся я про себя, – это ж развратные действия!» Однако тут мое внимание было отвлечено другим.

– Смотри! – усмехнулся я.

Среди одежды на вешалках гардероба сразу бросились в глаза шинель и панама Кома.

Мы поднялись в читальный зал. Несмотря на многолюдность, я сразу увидел Кома, потому что, как только мы вошли, он обернулся, как будто почувствовал нас спиной. Я недоумевал, померещился мне или нет намеков на смущение, пробившийся сквозь его непроницаемую маску, когда он увидел со мной Жанку.

Мы подсели к нему. На столе рядом со стопой синих томов Ленина лежала горбушка черного хлеба.

– Бери пример, – сказал я Жанке, – человек тянется к знаниям, идет по ленинским стопам. Не то что ты!.. – Что изучаешь? – спросил я Кома.

– «Уроки декабрьского восстания», – отвечал тот, глядя на нас так спокойно, словно не он угробил вчера кота.

– Мы же это все проходили и в школе и в институте, – удивился я.

– А результатов никаких, – сказал Ком.

– То есть?

– А нам теперь еще и двадцать шестой съезд придется проходить! – вздохнула Жанка.

– Слушай, – сказал я Кому, – мы тут подумали и решили, что нам нужно как-то опять сдружиться... Вот Жанка предлагает даже «Лиру» посетить...

– А я окончательно решил с работой, – сказал Ком, пропуская мимо ушей мои слова. – Буду устраиваться в ваш НИИ.

– Вот это ты молодец, – одобрил я.

Ком отщипывал от горбушки кусочки хлеба и жевал.

– Угостите? – попросила его Жанка.

– А, конечно! Извините! Я автоматически... – смутился он. Они стали жевать вдвоем.

– Неудобно как-то – жуеете в читальном зале, – сказал я и предложил выйти в вестибюль. Мы вышли в вестибюль.

– Главное, получше сдружиться, – снова сказал я. – Верно?

– Верно, – кивнул Ком.

– Пошли на улицу, что-нибудь придумаем!

– Нет. Мне сегодня еще нужно позаниматься.

– Что с тобой поделаешь, занимайся!

Мне надоело ломать голову, чтобы понять его.

– Я могу зайти к тебе вечером, – предложил он, – если ты не слишком рано ложишься спать. Поговорим.

– Заходи, – пожал плечами я. – Ну, пойдем, – сказал я Жанке.

– А он действительно несчастный, – шепнула она.

На улице я предложил ей зайти в кафе-мороженое, но она не захотела, а попросила отвезти ее домой. Я взял такси. Жанка молчала всю дорогу, и только когда я высаживал ее около дома, сказала:

– Теперь ты будешь сам просить, чтобы я тебя поцеловала!

– Договорились, – кивнул я, подумав: «Какое все-таки еще детство!»

Я возвращался на том же такси... Подъезжая к дому, мы разминулись с белыми «Жигулями». Лора была в машине с Валерием. Поднявшись в квартиру, я обнаружил на столе ее записку, в которой она сообщала, что ночует в Сокольниках.

Настроение сделалось хуже некуда, но ревность тут была ни при чем. На кухне я достал из шкафа банку с бразильским кофе (снабжение Валерия!), не спеша перемолол зерна в ручной кофемолке и сварил кофе. Потом я позвонил в Сокольники. К телефону подошла маман, но я отчетливо разобрал в трубке голос Лоры: «Если он, то меня нет!»

– Ее нет, – сказала маман.

– Не унижайте себя ложью, маман, – сказал я. – Я же слышал ее голос! Я просто хочу сказать ей «спокойной ночи»!

– Он хочет сказать «спокойной ночи»! – воскликнула маман с неожиданной злостью.

Они долго совещались; трубка, очевидно, была зажата ладонью, и я не понимал, что происходит. Наконец трубку взяла Лора. Ее тон поразил меня: столько в нем было неприязни.

– Я хотела отложить разговор до завтра, но это даже хорошо, что ты позвонил, – начала она, не давая мне вставить ни слова. – Мы поговорим. Но это не телефонный разговор! Ты

должен немедленно приехать сюда. Не приедешь – тем хуже для тебя. Пожалеешь. Так что бери такси и приезжай. И не задавай мне сейчас никаких своих вопросов!

– Да что случилось?

– Случилось! Приезжай и узнаешь! – Лора бросила трубку.

Я не сомневался, что речь пойдет о разводе, но зачем им потребовалась такая срочность? Значит, что-то действительно произошло. Но что могло произойти?.. Честно говоря, меня вообще всегда удивляло, что в нашей жизни еще что-то может происходить.

Я допил кофе, листая какую-то книжицу из «сумасшедшей библиотеки» жены. На этот раз на глаза попала история о некоем З., который в припадке бешенства изрубил топором свою тещу на мелкие куски... Стало быть, несмотря ни на что, в этой жизни нет-нет, а что-то да и происходит...

Выходя из квартиры, я столкнулся с Комом. Я и забыл, что он собирался ко мне зайти.

– Давай, – сказал я, – ты тут располагайся. Ешь, что найдешь. Спи, как устроишься. А я лечу по срочному семейному вызову. Думаю, вернусь часа через полтора. С существенными новостями. Если не заснешь, поговорим!

– Если хочешь, я – с тобой? – предложил он.

– Не стоит. Вернусь, поговорим.

В двенадцатом часу ночи я приехал в Сокольники. Мне открыл дверь «лучший друг семьи». На руках Валерий держал сиамского котенка. У меня сразу все перепуталось в голове.

– Было большое совещание. В этом доме против тебя заговор! – шепнул мне Валерий. – Но не унывай, я – на твоей стороне.

– Тогда я спокоен, – усмехнулся я.

– Ого, целый консилиум, – воскликнул я, входя в комнату, где собралась вся семейка. – А кто же у нас больной?

– Сейчас мы это выясним, – пообещала маман.

– Взгляни, милый, – сухо сказала мне Лора, протягивая какой-то листок. – Эту записку я нашла в нашем почтовом ящике. Что скажешь?

Я взял листок и сразу узнал каллиграфический почерк Сэшеа. Вот что писал мне этот ненормальный:

«Предатель говно! Чтоб Жанка не стала спать с тобой, а плюнула бы на тебя и поехала ко мне, а ты бы побежал за мной и стал бы просить, чтоб я открыл тебе дверь и отдал Жанку, а я бы ни фига не отдал и не стал бы даже с тобой говорить, а когда бы ты вышел из моего подъезда, я бы плюнул на тебя сверху, и тебе бы пришлось ночевать на скамейке под моим балконом, а я бы завел очень громко «Love Me Do» и другие клевые вещи, чтоб ты плакал от зависти, а я бы плевал на тебя и бросал бы в тебя пустые бутылки, а потом позвонил бы в милицию и сказал, что у нас под балконом пьяный хулиган! Ну и дали бы они тебе! Вот тогда бы ты узнал, как предавать друзей!

Теперь твоя враг,

Я»

Я подумал, что если Валерий уже успел «внести определенность» в отношения с Лорой и со мной решено расстаться, то Сэшеа дал им для этого замечательный повод. Они обвинят меня во всех смертных грехах.

– Ну и что? – сказал я, складывая записку и засовывая ее в карман.

Я сел на диван рядом с Жанкой, которая, как пай-девочка, сидела скромно и чинно.

– Ты не прячь, не прячь улику! – сказала маман. – Жанна нам и та! всё рассказала. Знаешь, как твои действия можно квалифицировать?.. А ведь ты и так у меня на волоске висишь после инцидента в *ванной*. Уже забыл?

– И это после всех твоих душевных слов о семье, о детях, о нормальной человеческой жизни! – усмехнулась Лора.

– А я не отказываюсь от своих слов, – сказал я.

– Девочка! Молоденькая, чистая девочка! – воскликнула маман. – Но тебя это не остановило!

– Мог бы по крайней мере подождать, когда она немного подрастет, – сказала Лора, – или весь интерес как раз в этом?

– Умел напакостить, умеи ответ держать! – сказал Игорь Евгеньевич, едва сдерживая ярость. – И про «Некрасовку»! И про «занятия»! Давай, рассказывай!

Я вопросительно взглянул на Жанку.

– А я пошутила! – вдруг беспечно прощелбетала она и засмеялась, хлопая в ладоши.

– Как – пошутила?! – изумился Игорь Евгеньевич.

– Такого нарасказывала! – изумилась маман.

– Подумаешь! Я просто хотела посмотреть, как он будет выкручиваться!

– Ну нет! – набросилась Лора на сестру. – Ты сама теперь выкручиваешься! Из записки все ясно!

– А, по-моему, из записки ясно только то, что приятель, ее писавший, сам имеет на Жанку определенные виды, – рассудительно заметил Валерий, поглаживая котенка.

– Ты не понимаешь! – сказала Лора. – Она очень даже способна на все, в чем признавалась, а теперь отказывается. Она делает из нас дураков! Но сама окажется в дурацком положении!

– Да, – согласилась Жанка, – я маленькая, глупенькая девочка... И потом, могла я тебе немножко позавидовать?

– Девочка, – строго сказала маман, – не нужно маме лгать! Скажи мне правду... Он ведь по крайней мере тебя помогал, да? Он ведь...

Жанка загадочно и мечтательно улыбнулась.

– Говори, дрянь! – закричала маман. Валерий поспешно сунул ей в руки котенка.

– Он... – начала Жанка томно, – он... замучил меня... законами электричества! Теперь мне снятся молнии, огненные стрелы, электрические дуги. Они пронзают меня насквозь! А иногда я сама превращаюсь в шаровую молнию!..

– Лучше помолчи про свои сны, – посоветовала Лора.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Игорь Евгеньевич, – в записке ясно сказано...

– Я уже просил Лору оказать автору записки психотерапевтическую помощь. У моего товарища весьма расстроены нервы, – объяснил я.

– Все друзья у тебя – идиоты! – сказала маман.

– Все это очень странно! – покачала головой Лора.

– Да ты посмотри, как он тебя любит! – сказала Жанка сестре. – Ты только вспомни, как вы были счастливы на «вашем свадебном» диване! Вспомни, как обожали запирались в ванной!

– Сейчас получишь по губам! – прикрикнула на Жанку маман.

– И все-таки я ей не верю! – сказала Лора. – Она могла шутить, могла выдумывать. Но про лифт она не выдумала! Она не могла такое выдумать!

– А мне это приснилось! – заявила Жанка.

– Она нам еще преподнесет сюрприз! – сказала Лора родителям.

– Ты такая проницательная! – кротко заметила Жанка.

– Как бы там ни было, – сказал мне Игорь Евгеньевич, – но общая ситуация твоих с Лорой отношений крайне неудовлетворительная! Я думаю, даже новый человек, – тут он взглянул на Валерия, – успел это разглядеть...

– А по-моему, – сказал Валерий, – время от времени в жизни случаются такие моменты, когда ситуация становится как бы безнадежной. В таких случаях нужны решительные действия. Промедление, как говорится, смерти подобно... Тут годится только одно средство...

Маман и Игорь Евгеньевич с надеждой посмотрели на него.

– ... Нужно отправиться в путешествие! – вдруг заявил Валерий.

– Что?!

– Я говорю, Лоре следует переменить обстановку. Я – рекомендую путешествие. Лучше всего поехать на экскурсию за границу. Желательно в «кап». Впрочем, можно и в «соц».

– Спасибо за совет, – фыркнула Лора.

– А что, хорошая мысль! – сказал я.

– Я не это имел в виду... – разочарованно протянул Игорь Евгеньевич.

– Только за границу.

– Ей-богу, отличная мысль.

– Все ясно, – сказала Лора, – поговорили.

– Мы еще вернемся к этому разговору, – предупредила меня маман. Хотя было очевидно, что Валерий не спешит вносить определенность», я в то же время ясно почувствовал, что если Лора и будет для меня желанной, то все равно – отныне каждое наше объятие будет переплавлять любовь в ненависть, и я ничего не смогу с этим поделать.

Итак, подобие мира было восстановлено, но Лора осталась ночевать в Сокольниках, а мы с Валерием, вместе выйдя из квартиры, задержались на лестнице.

– Мужики должны доверять друг другу, – сказал Валерий и вытащил из своей спортивной сумки бутылку водки и аккуратно завернутые в папиросную бумагу бутерброды с балыком. – Надеюсь, – добавил он, – ты не станешь бить меня этой бутылкой по голове?

– Конечно, не стану.

– Правильно понимаешь.

– Не подвернись ты, нашелся бы кто-нибудь еще, – сказал я.

– Абсолютно справедливо... Хочу тебя, кстати, заверить: жены друзей для меня – святое, но не жены вообще, и если ты против, то я теперь с Лорой ни-ни!.. А что было – то было...

– Пусть сама решает, – махнул я рукой, – что уж теперь!..

– Да, будь спок! – заверил Валерий. – Теперь по крайней мере я с ней – пэссив!.. И вообще ты не думай, что она мне с разбегу отдалась... Не могу похвастать, не с разбегу...

Мы оставили пустую бутылку на подоконнике и, закулив, вошли в лифт. Кабина поползла вниз.

– А младшая-то, я вижу, тебя крепко зацепила! – сказал Валерий.

– С ума сошел, – возмутился я. – Ребенок.

– Ну ты сказал! Ей и в двенадцать лет, по-моему, не было противопоказано!.. И потом, разве тебе Лора не говорила, что Жанка уже не девочка?

Когда я услышал это, мне показалось, что у лифта оборвался трос и кабина ухнула вниз.

– Не бери в голову, – сказал Валерий, взглянув на меня, – может быть, Лора врет... Хотя зачем ей врать?

Мы вышли на улицу. На жестких буграх электрического света тяжело ворочалась ночь. Валерий пытался взять меня под руку. Мы шли к проспекту, где можно было поймать такси.

– Ты, старик, в отношении Жанки можешь на меня твердо рассчитывать, – бормотал Валерий. – Помогу, чем смогу. Родителей я нейтрализую, не сомневайся. Ты заметил, что я имею на них некоторое влияние. Главное, сам не теряйся!..

Я подумал, как это было бы просто и логично – врезать ему по пьяной роже. Но тут я увидел, что он пьян как сильно, будто бы он еще до того, как мы пили в подъезде, основательно «зарядился».

– Ты лови на этой стороне, а я буду на той, – сказал я и перешел на другую сторону улицы.

Валерий первым остановил такси и радостно замахал мне своим рыжиком». А в машине напросился ко мне ночевать и расплатился с водителем, когда приехали.

– У меня бабок до фига! – кричал он, когда я попробовал возразить насчет платы.

Все та же облезлая елка торчала в сугробе у подъезда. Я поднял голову и вздрогнул, увидев свет в нашем окне. У меня совершенно вылетело из головы, что дома меня дожидается Ком. Я сказал об этом Валерию.

– А? Гроза котов? – поморщился тот. – Если б я знал, лучше бы в Сокольниках остался... Ну, теперь все равно. Спать хочу – падаю!..

– Грозе котов – комсомольский привет! – сказал он, когда мы вошли в квартиру, и добродушно рассмеялся.

Ком сидел за кухонным столом и не мигая смотрел на Валерия.

– Ты, старик, только покажи мне, где голову приклонить, – попросил меня Валерий. – И считай, что меня нет...

– Ладно, – пробурчал я, подталкивая его в комнату. – Сам устраивайся. Обстановка-то знакома!

– Будь спок, – не стал спорить он и тут же принялся укладываться. Ком в прихожей уже надевал шинель.

– Ну что ты, старик, – зашептал я, – он просто трепло. К тому же пьян в стельку. А что касается кота, то тут мы как раз тебя прекрасно понимаем...

– Какого еще кота? – спросил Ком, надевая панаму; у него на лице появилось подобие смущения или недоумения.

– Ну, черт с ним, с котом!.. Но, может быть, ты мне сейчас действительно нужен, а ты меня бросаешь! – сказал я наобум, притворившись обиженным, что он уходит.

Ком сразу остановился и внимательно посмотрел на меня.

– Да, – обрадовался я, – бросать друга не годится! Это предательство и свинство!

– Я тебя не брошу, – очень серьезно сказал Ком. – И не предаю. Валерий в белых трусах вышел на кухню и, как сомнамбула, разыскав

на полках пустую бутылку, налил в нее воды и унес с собой в комнату. А еще через минуту – сладко похрапывал.

Я тоже был не прочь завалиться спать, но помня, что Кому, может быть, как раз сейчас необходима дружеская поддержка, занялся приготовлением кофе. Может быть, ему просто нужно выговориться. Или что-то в этом роде. Я поплотней прикрыл дверь в комнату, а также кухонную дверь. – Я тебя никогда не предаю, – повторил Ком.

– Ну, – сказал я, – прекрасно. Я тебя тоже.

– Запомни, пожалуйста, – попросил он, – что ты сейчас сказал. – Что же запоминать, – удивился я, – я и так не забуду...

Я поставил на стол большой кофейник. Я хотел выложить на стол дефицитные продукты из Валериного «пайка», который обнаружил в холодильнике, но Ком отрицательно покачал головой.

Мы сидели друг против друга. Я взглянул Кому в глаза, которые были как бы продолжением черной февральской ночи за окном, и неожиданно для себя спросил:

– А что, Ком, интересно, как тебе понравилась наша семейка?

– Зачем спрашиваешь? – спокойно сказал Ком. – Ты и сам все хорошо понимаешь.

– Да, – пробормотал я. И знаешь, они ведь терпят меня только до того момента, пока Валерий не внесет «определенность». А я, как идиот, сижу, жду решения своей участи.

Ком пристально смотрел на меня. Я усмехнулся про себя, вспомнив о «гипнотических свойствах» черных глаз.

– Конечно, достаточно один раз пообщаться с ними, чтобы понять, что они из себя представляют, – продолжал я. – Ограниченные люди. Обыкновенные мещане... Ты спросишь: в чем тогда дело? Чего я жду? Зачем мне их мещанский мирок?

Ком кивнул утвердительно, и я рассмеялся.

– А знаешь ли ты, – воскликнул я, – с какой радостью, с каким удовольствием я в этот мещанский мирок окунулся?.. Налаженный быт, семейные обеды, поездки на дачу, своя квартира, красивая жена, уют... Это все, между прочим, замечательные вещи! Я не шучу!.. Да еще тесть обещает устроить на хорошую работу и вывести в люди. Ни о чем другом я и не мечтал... Ну, чем я лучше их? А?

– Ты лучше, – твердо сказал Ком.

– Нет, я, может быть, даже хуже! Я объективно себя оцениваю. У меня ведь нет никаких особых талантов. Я не способен на что-нибудь достойное... Что же мне делать? К чему стремиться?

– Очень хорошо, что ты задаешь себе такие вопросы.

– Я хочу нормальную семью. Дети, квартира, дача, машина... Ничего более глобального я не вижу. Есть в этом, конечно, какая-то обыденность... Но ведь я действительно не вижу для себя ничего другого!

– Главное, что ты чувствуешь обыденность, – сказал Ком.

– О, по этой части я не могу соперничать с Сэшеа!.. Кроме обыденности, он чувствует еще и ограниченность, и замкнутость!

– Нет, – пробормотал Ком, – у него другое... Я не придавал значения этим словам.

– Так и живу, – усмехнулся я. – Видишь, каким бревном можно стать в двадцать пять лет... Кажется, единственный сохранившийся интерес – это женщины.

– Но ведь что-то тебя мучает! Что-то мешает успокоиться!

– То и мешает, что я слишком обыкновенный человек. Вот и Лориных родителей это не устраивает. Впрочем, это бы еще полбеда... Это не устраивает Лору... Я не знаю, что ей нужно. Что я должен ей дать? Она и сама, кажется, не знает. Но тихого семейного счастья ей мало.

– Ты же говорил, что сначала у вас все было хорошо? – заметил Ком.

– Да, черт возьми, мне даже не верится, что мы так хорошо могли с ней жить... – вздохнул я.

Я принялся рассказывать Кому о беременности Лоры, о нашей женитьбе и о том, как у нее случился выкидыш... Это было странно, потому что о том, что Лора была беременна не от меня, я не рассказывал ни матушке, ни лучшему другу Сэшеа, но с Комом решил поделиться. Мне даже захотелось рассказать ему и о той ужасной сцене в ванной, о которой я и сам старался лишний раз не вспоминать.

– Она была такая слабенькая после больницы, такая жалкая и в то же время такая любимая, что я с ног сбивался, стараясь как-то поухаживать за ней, чем-нибудь угодить. Я сам готовил ей еду, вникая в ее вкусы, кормил с ложечки, что ей очень нравилось. Когда мы въехали в эту квартиру, я со всем пылом взялся благоустроить *наш* дом, скрупулезно следуя всем пожеланиям Лоры. Мне это не было в тягость, я сам получал огромное удовольствие. Отношения у нас были превосходные. Вообще все было прекрасно... Помню, Сэшеа, как всегда особо интересующийся интимными делами, пристал ко мне с вопросом, какова Лора в этом отношении. Он так надоел мне, что я ответил, что если он не хочет на всю оставшуюся жизнь

потерять покой, то лучше ему не знать этих подробностей... Особенно Лора любила, чтобы я сам купал ее в ванной. Еще когда мы жили в Сокольниках, это вошло у нас в обычай... Извини, что я останавливаюсь на таком интимном моменте, но это необходимо, чтобы ты понял то, что случилось потом...

Ком слушал необычайно внимательно и серьезно. Мне это было очень приятно. Я не был избалован такой искренней участливостью, общаясь с Сэшеа, которого хоть и считал самым близким другом, но который обладал мерзкой чертой перебивать на полуслове и пренебрежительно кривить физиономию, как только видел, что я пробую рассказать самое для меня дорогое, по-настоящему меня волнующее. Так что в конце концов я вообще зарекся с ним открывенничать.

– В прошлом году мы были вынуждены провести отпуск врозь, так как для укрепления здоровья Лоре потребовалось отправиться в специальный санаторий по профилю женских болезней. Мы первый раз расстались так надолго, и я очень мучительно переносил разлуку. Я послал жене длинное и сумбурное любовное письмо. Не помню уж, что я там писал, помню только, что неоднократно восклицал, что, кроме нее, мне в этой жизни ничего не нужно... В ответ Лора прислала открытку с морским пейзажем и несколькими странными, торопливо набросанными словами, что ей, Лоре, в этой жизни не нужно ничего... кроме моря... Потом она вернулась...

Она вернулась загорелая, загадочная, прекрасная, с незнакомой хрипотцой в голосе. Когда после месяца одиночества вдруг получаешь такую женщину, становишься глубоко религиозным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.